

МОНОГРАФИЯ В НОМЕРЕ

А. В. Прохоренко

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В ИДЕЙНОЙ ПОЛЕМИКЕ РОССИЙСКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Предисловие

Русская пореволюционная эмиграция не была однородной не только в идейном отношении, но и по своему этно-национальному составу. Это обусловило поляризацию позиций россиян-русских и россиян-инородцев в вопросах руссиеведения, философии русской истории.

С наибольшей остротой выдвинулся на первый план вопрос об украинстве, который актуализировался еще в дореволюционный период. Среди идеологов украинофильства выделяются фигуры М. П. Драгоманова, М. Б. Антоновича и особенно М. С. Грушевского, создателя теории «Украины-Руси» и «первого президента Украины».

Одной из центральных идеологем Грушевского является идея «Великой Украины», призванная стать долговременным ориентиром политического и культурного развития страны. Улучшение быта украинцев и создание таких условий, чтобы они способствовали всестороннему удовлетворению их потребностей, хотя и выступает необходимой задачей, требующей первоочередного решения, но не может быть конечной целью. «Для того, чтобы дать миру в лице Украины еще одну мецанскую республику, пусть и демократическую, по правде, не нужно было столько труда и стараний. Для того только, чтобы поднять благосостояние нашего народа и дать ему лучшую материальную культуру, жаль той крови и жертв, которые были принесены для освобождения Украины... Лучшие сыны нашего народа, цвет и надежда его сложили головы — и сложат их еще для того, чтобы дать что-то действительно ценное своему народу — и в нем человечеству вообще»¹. Это ценное было сформулировано, утверждает Грушевский, в университетах Центральной Рады, провозгласивших новые «морально-социальные» ценности, которые Украина и обязана воплотить в жизнь. Украинцы должны с пиететом

¹ Грушевський М. С. Велика Україна // Великий українець. Матеріали з життя та діяльності М. С. Грушевського. Київ, 1992. С. 163–164.

том относиться к этим демократическим лозунгам, вплоть до того, чтобы сделать их предметом религиозного почитания. Литература, пресса, школа, искусство — все должно быть поставлено на службу реализации этих лозунгов, а для этого необходимо создать на Украине культ общества-государства — подобный тому, который существовал в древних Афинах, где каждый гражданин рос, жил и умирал в убеждении, что общество-государство существует для его счастья и что он должен поэтому служить ему, отдавая все свои силы и даже жизнь. “Нет вообще на свете другой, более высокой и более благородной цели, чем это служение своему обществу-государству”¹, и эта цель должна быть достигнута на Украине, которая станет тогда Великой.

Создавая идеал трудового государства, свободного от империалистических замашек, Грушевский призывал украинскую демократию проникнуться духом государственности, сделать идею государства центром идеологии и подчинить ей все аспекты социальной жизни. Украинство, таким образом, превращалось в проповедь государственности, так что борьба за права нации стала пониматься как борьба за становление украинского государства и в конце концов свелась исключительно к государственному строительству. Во многом благодаря Грушевскому идея государства — независимой, вольной и самостоятельной Украины — стала очередной догмой национализма, которой довелось сыграть важную роль в дальнейшей эволюции украинства, прежде всего — в период пореволюционной эмиграции.

Кульминационным моментом эмигрантских споров и одновременно своеобразным подведением итогов систематизации теоретических аргументов про и contra украинства являются работы П. Голубенко «Украина и Россия в свете культурных отношений», опубликованная за рубежом в 1987 г. и на Украине в 1993 г., и книга Н. И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма», напечатанная на Западе в 1966 г. и переизданная в России в 1996 г. Оба сочинения носят ярко выраженный полемический характер, что обусловило их тенденциозность и по преимуществу идеологический характер, вследствие чего их воспринимают сейчас как на Украине, так и в националистически настроенных кругах российской интеллигенции не столько как научные исследования, сколько как “руководства к действию”. И Голубенко, и Ульянов аккумулировали в своих сочинениях вековой опыт работы националистической мысли, так что их сочинения можно назвать энциклопедическими в данном вопросе.

¹ Там же. С. 165.

Трактат Голубенко¹ вышел в свет на волне подъема националистического движения на Украине, когда стали издаваться многочисленные сочинения, направленные против влияния “старшего брата” и обосновывавшие “чистоту” и “культурное и политическое превосходство” украинской нации. Среди наиболее характерных в этом отношении следует указать на такие русофобские издания, как сборник публицистических статей украинского писателя-“шестидесятника” Е. Гуцало «Ментальность Орды»², попытавшегося концептуализировать украинские представления о “русской душе”, и монографию львовского профессора антропологии Р. Кися «Финал Третьего Рима. Российская мессианская идея на изломе тысячелетия»³. В этих работах, однако, только повторяются положения, уже высказанные и систематизированные Голубенко, и поэтому их нецелесообразно рассматривать отдельно или же считать дальнейшей ступенью эволюции украинского национализма. Достаточно ограничиться анализом сочинения Голубенко, чтобы получить адекватное представление о проблематике идеологии украинства в настоящее время.

Книга Ульянова тоже является своеобразным синтезом, но уже антиукраинской идеологии, культивировавшейся главным образом в дореволюционной публицистике и потом среди российских эмигрантов, оставшихся на позициях великодержавности. Публикация этой работы в России стала не столько историографическим фактом, сколько фактом политического звучания, приведшим к международному скандалу. Украинская сторона расценила монографию Ульянова как враждебный и провокационный шаг, направленный на дестабилизацию русско-украинских отношений, хотя никакого открытого призыва к разжиганию межнациональной ненависти в этой работе нет, а все выводы выглядят достаточно обоснованными. О враждебности к украинству можно было судить не столько из самого сочинения Ульянова, сколько из той реакции, которую оно вызвало в определенной части российской публики. Так, уже через два года после появления «Происхождения украинского сепаратизма» вышел в свет сборник статей, составленный М. Б. Смолиным, под заглавием «Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола»⁴. В этом сборнике были представлены работы таких исследователей “украинского сепаратизма” XIX в., “борцов за русское национальное единство”, как А. Волконский, А. Стороженко, профессоров

¹ Петро Голубенко – псевдоним Петра Ивановича Шатуна, который печатался в националистической прессе (в журналах «Сучасність», «Орлик», «Нові дні», «Самостійна Україна» и газетах) также под псевдонимами Петро Ромен, Дм. Кармазин, Д. Шуменко.

² См.: Гуцало Е. Ментальность Орды. Киев, 1996.

³ См.: Кись Р. Финал Третьего Рима. Российская мессианская идея на изломе тысячелетия. Львов, 1998.

⁴ См.: Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / Сост. М. Б. Смолин. Сб. ст. М., 1998.

П. Богаевский, И. Линниченко, Т. Флоринский и др. Украинство характеризовалось в их работах как опасная историческая фикция, призванная дать идеологическое обоснование расчленению общерусского государственного и культурного тела посредством выделения из него малороссов как особой этнокультурной группы неизвестных истории “украинцев”. Во вступительной статье Смолин, призывая к бдительности своих соотечественников, писал: «Национально мыслящие русские люди обязаны, ради будущего русского народа, ни под каким видом не признавать прав на существование за государством “Украина”, “украинским народом” и “украинским языком”. История не знает ни того, ни другого, ни третьего — их нет. Это — фетиши, созданные идеологией наших врагов. Их существование продолжится до тех пор, пока русские в России не добудут себе религиозную, государственную и национальную свободу»¹.

Несмотря на принципиальную контрарность позиций относительно “украинского вопроса”, работы Голубенко и Ульянова имеют много общего. Как уже было сказано, их сближает тенденциозность в подходе к решению этого вопроса, идеологизация (хотя и в разной степени) исторического материала и стремление теоретически обосновать соответствующие политические программы. Кроме того, и Голубенко, и Ульянов создают (или актуализируют) исторические мифы, которые, будучи параллельными и внешне противостоящими друг другу, тем не менее внутренне подобны и поэтому в известном смысле обуславливают друг друга, поскольку функционируют в одном и том же идеологическом поле. Мифологизация российско-украинских отношений препятствовала их прояснению с самого начала движения украинства, но если в XIX в. она уступала место научно-историческому осмыслению вопроса, то в XX в. верх взяла конфронтация, обмен “боевыми выпадами” вместо спокойного и объективного, без политических пристрастий исследования фактов истории. Мифологизированная история стала основным инструментом политической борьбы, участники которой целенаправленно моделировали “образ врага” и корректировали исходя из него свой собственный образ, вырабатывая тем самым новые принципы национальной самоидентификации.

1. Укратиофильство Петра Голубенко

Интерес к работе «Украина и Россия в свете культурных отношений» определяется по большей части тем, что она является наиболее полной и систематической компиляцией стереотипных положений идеологии украинского национализма. Во вступительном слове к украинскому изданию И. Кошеливед, отмечая актуальность темы и глубину исследований Голубенко, позволившей ему представить “настоящую, нефальсифицированную историю Украины”, объективное “докумен-

¹ Там же. С. 22.

тальное исследование”, писал, что на самом деле в этой работе нет ничего нового. “Все мы, элементарно образованные люди, хорошо это знаем, но нужно было, чтобы кто-то один потрудились собрать соответствующие документальные источники, которые подтверждают наши априорные знания, и систематизировать их в научном исследовании. Эту весьма трудоемкую задачу с успехом выполнил автор этой книги Петро Голубенко”¹. Итак, заслуга Голубенко в том, что он сумел документально подтвердить “априорные знания” украинских националистов, т. е. такие знания, которые вообще не нуждаются ни в каком документальном, т. е. опытным, или историческом, обосновании и никак от него не зависят. И действительно, основным методом аргументации в работе Голубенко выступает метод “собираения” подходящих цитат, которые свидетельствуют об истинности соответствующей идеологии, принимаемой безо всяких доказательств, как нечто само собой разумеющееся и бесспорное. Очевидно, что в данном случае используется скорее риторический, чем научный прием, что доказывается и повышенной эмоциональностью повествования. Другой заслугой сочинения Голубенко, по мнению его издателей, является довольно удачная аналогия между самодержавным режимом царской России и “советчиной”, поскольку и до и после революции русский народ остался существенно таким же, каким он был всегда — народом рабов с ярко выраженными имперскими традициями. Параллели между Россией царской, Советской и современной, демократической, проведение которых оказывается возможным благодаря существенному единству этих внешних модификаций, делают исследование Голубенко актуальным и сегодня, когда идеологическое и политическое противостояние Украины и России достигло своего апогея. Интересно заметить, что автор «Украины и России...» ничуть не скрывал доминирующего мотива своей работы, состоящего в том, чтобы дать “идейно-теоретическое оружие” украинским патриотам в их борьбе с Россией и русской культурой. “Список провинностей и злодеяний, за которые Украина призывает Россию к суду, приведенных в этой книге, слишком большой, — писал Голубенко, — и читатель встретится с ними, читая ее. Помимо воли автора, книга стала обвинительным актом против Российской империи, с которым Украина выступает перед судом истории”².

Если попытаться суммировать все “провинности” России и все ее преступления, то их можно свести к одному-единственному преступлению, состоящему в том, что Россия является Россией и с упорством продолжает ею быть. По существу, все сочинение Голубенко посвящено раскрытию содержания только этого понятия — “Россия”, которое вмещает в себе все многообразие отрицательных моментов, определяющих как несчастную судьбу Украины и ее культуры,

¹ Кошелівець І. Книжка на часі // Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. Київ, 1993. С. 6.

² Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 10.

так и перспективы возможного пагубного влияния на мировую культуру и цивилизацию в целом. “Проблема России” и способы ее разрешения — вот основная тема работы Голубенко, решившего разгадать загадку “российского сфинкса”. Эта загадка заключается в вопросе “Что такое Россия?”, которую нельзя ни умом понять, ни аршином общим измерить.

Основной чертой России является мессианизм, который выражается в политической сфере как стремление к созданию империи, в социальной — как культивация рабства, а в культурной — как экспансия русской культуры с целью русификации, т. е. нивелирования, всех других национальных культур. Мессианизм — это существенное качество “русского характера”, его константа, а поэтому существует в разнообразных вариациях, даже внешне противоположных друг другу, поскольку в этих вариациях изменяется лишь форма, но не содержание, которое всегда остается одним и тем же. Голубенко выделяет три фазы метаморфозы “российского сфинкса”, соответствующие отдельным этапам роста Российского государства и усиления его влияния. Первой фазой было превращение Московии в Россию, когда неизвестные истории москвиты заявили о своем государстве тем, что присвоили себе название чуждого им государства, Киевской Руси, чтобы воспользоваться его славой и международным признанием. Подчеркивая то обстоятельство, что москвиты как нация появились значительно позже, чем украинцы, и что “Московия образовалась как целиком отличная культурно-историческая формация и на другом этническом субстрате и с другими культурно-историческими традициями и влияниями”¹, Голубенко акцентирует внимание на том, что присвоение названия совершалось посредством пропаганды братства и русскости обоих народов, причем москвиты самовольно объявили себя “старшим братом”, который по праву старшинства взял на себя функцию “собирая земля русских”, т. е. на деле порабощения самостоятельных украинских княжеств. Москва не только присвоила себе старое название “Русь”, но и всю историю Киевской Руси, которая стала одной из частей истории российской. Лишившись государства, истории и даже национальности, украинцы стали рассматриваться как родственная великороссам народность, а их язык — как южный диалект великорусского языка, что привело к тому, что даже на Западе до сих пор с недоверием воспринимают заявления украинских националистов о самобытности украинской культуры и ее принципиальном отличии от культуры великорусской.

Второй фазой метаморфозы “российского сфинкса” явилось славянофильство, которое выдвинуло идею панславизма. Теперь Россия провозгласила себя государством славянским (на что не имела, разумеется, никакого права) и объявила своей исторической миссией объединение всех славянских народов под свою властью и братской опекой. Первой же жертвой великорусского мессианизма

¹ Там же. С. 29–30.

стала Польша, которая надолго разделила печальную судьбу Украины. Примечательно, констатирует Голубенко, что славянофильство с самого начала осознавало себя как сознательную и непримиримую оппозицию Западу, европейской культуре и цивилизации. Эволюция славянофильства к русофильству и почвенничеству лучше всего свидетельствует о подлинных целях этого движения, которое по сути было движением крайне националистическим и империалистическим. Идеал славянофилов был позже сформулирован П. Струве в формуле “Великой России”, представлявшей собой идейное обоснование национального империализма, и в теократической утопии В. Соловьева, в которой нашел наиболее полное выражение имперский универсализм российского государства. Позже славянофильство трансформировалось в евразийство, расширившее рамки объединительной экспансии России на Восток и сохранившее претензии на господство в Европе.

Третья фаза метаморфозы — это превращение России в СССР под знаменем “интернационального братства народов”. Таким образом, идея Москвы — III Рима получила вторую редакцию в форме Москвы — столицы III Интернационала, в результате чего мессианизм России получил неограниченное пространство для своего осуществления. Под видом помощи угнетенным народам и посредством включения их в сферу влияния московской политики происходит постоянное расширение Российской империи, которая в настоящее время, утверждает Голубенко, представляет реальную угрозу для всего мира. СССР и политика самоопределения национальностей — это лишь ширма, за которой скрывается желание мирового господства и денационализации покоренных народов. “В советской России русский мессианизм достиг своего наивысшего напряжения и динамизма, обнаружив с наибольшей ясностью все свои негативные национально-московские черты”¹. Традиционная идея спасти мир, высказанная теоретиками русского мессианизма еще в начальный период становления Российской империи, в эпоху торжества коммунистического универсализма была преобразована в лозунг всемирной революции во главе с Москвой и ее III Интернационалом, и на осуществление этой цели направлена вся энергия и все ресурсы громадной империи. “Антихристианский и антиевропейский характер русского мессианизма состоит в том, — делал вывод Голубенко, — что Россия хочет быть судьей и диктатором над всеми народами мира и стремится навязать всему миру свой строй и свою систему, вместо того чтоб работать над своим собственным духовным и культурным усовершенствованием и, в меру своих способностей, вносить свой вклад в мировую культуру”².

В таких условиях, очевидно, необходимо оказать организованное сопротивление русскому мессианизму и не допустить реализации империалистических ам-

¹ Там же. С. 19.

² Там же.

бийи adeptов Великой России. Единственный метод борьбы — это добиться расчленения Российской империи по национальному признаку, с тем чтобы старая “тюрьма народов” оказалась раз и навсегда разрушенной. Голубенко аргументирует свой вывод, ссылаясь на рассуждения Ж. де Монгайяра, который уже в 1805 г. показал невозможность уничтожения деспотизма и рабства в России без расчленения Российской империи. Победить Россию можно только в том случае, если заручиться поддержкой поработанных ею народов и разрешить тем самым национальный вопрос в Восточной Европе. Прежде всего, по мнению Голубенко, следует поддержать националистическое движение на Украине, потому что украинцы представляют собой наиболее угнетаемую нацию и всеми силами стремятся к свободе. Таким образом, Украина — это тот плацдарм, с которого должно начаться разрушение России. Особую роль при этом играет то обстоятельство, что часть украинской нации проживает на территории Австрии, и поэтому “свобода украинцев и вольное развитие украинской культуры в Австрии может стать могучим средством разгрома России”¹. Украинская литература призвана сыграть при этом решающую роль, так как она навеяна свободой и в силах растопить лед русского абсолютизма, став “Иерихонской трубой, которая превратит царизм в руину”².

Опасность третьей фазы метаморфозы “русского сфинкса”, по Голубенко, в том, что русский мессианиззм умело маскируется в противоположные формы, выступая в виде борьбы за равноправие народов и мир во всем мире. Эти лозунги, однако, противоречат реальности и подлинным целям империи, каковой Россия является по существу, а не исторически, и поэтому следует научиться не доверять всему, что говорится сторонниками великодержавности. Многие на Западе склонны считать большевиков представителями новой России и поддаваться их пропаганде, проводя отчетливую границу между бывшей Российской империей и настоящим СССР. Те же, кому хорошо известно подлинное лицо большевистской власти и кто спасся от нее, эмигрировав в страны вольного света, совершают, однако, ту же ошибку: хотя они и отдают предпочтение дореволюционной России, но тем не менее противопоставляют ее России советской. На самом же деле, уверяет Голубенко, никакой принципиальной разницы между ними нет: большевизм — это национальная специфика русского государства, а также неотъемлемая характеристика социальной и культурной жизни русского народа. Чтобы доказать это положение, он прибегает к помощи самих же русских мыслителей — например, к Бердяеву, писавшему, что большевизм является третьей формой русского империализма, первой и второй формами которого были Московское царство и империя Петра Великого. Но если Бердяев, убедившись в том, что

¹ Там же. С. 22.

² Там же.

большевики выражают национальные черты и являются единственной силой, способной в данных условиях сохранить целостность России, стал косвенно поддерживать существующую власть, то Голубенко, отождествив национальность и политическую культуру, сделал вывод о том, что русские всегда остаются русскими, независимо от того, выступают ли они под красными или под белыми знаменами, — а значит, им всем свойственны империалистические позывы и все они не могут не быть явными или тайными врагами европейской цивилизации вообще и свободной Украины в частности.

Националистическая риторика Голубенко, таким образом, основана на редукции социально-политического и культурного содержания к этническому. Объясняя принадлежностью к русской нации такие явления, как империализм и мессианизм, и считая существенным качеством всех украинцев стремление к свободе, он делал практически невозможным разрешение проблемы русско-украинского противостояния. Или, вернее, он допускал возможность ее решения, но только при условии полного расчленения России и уничтожения ее “империалистической” культуры.

К сожалению, отмечает Голубенко, русская культура, наука и даже политическая система находят многочисленных сторонников в странах Запада, что препятствует осознанию ее опасности и реализации плана по спасению европейской цивилизации. Такое доверие к России и одновременно нежелание рассмотреть ее существо кажутся парадоксальными, однако и они вполне объяснимы. Дело в том, что российское правительство, намереваясь скрыть свои настоящие цели, издавна научилось обманывать европейцев, создавая выгодные для себя “миражи России”. В качестве примера он приводит “просветительскую” деятельность Екатерины II, стремившейся заручиться поддержкой знаменитых европейцев, и прежде всего французских энциклопедистов, чтобы создать иллюзию, будто Россия стала европейской державой и не представляет для Запада никакой угрозы. Поскольку русским писателям в Европе никто не верил, считая их зависимыми от воли монарха, то создание миража европейской России было поручено самим же европейцам, которые за свои услуги получали немалые гонорары. Согласно Голубенко, этих гонораров оказалось достаточно, чтобы воображение европейцев, которое и так уже было довольно заинтригованным огромными размерами России и ее “загадочностью”, дорисовало недостающие, облагораживающие штрихи в портрете российского монстра. Благодаря стараниям и недобросовестности Фонтенеля, Вольтера, Дидро, а потом А. Дюма, Бальзака, Гете, Верне мираж “новой России” получил широкое распространение в Европе XVIII—XIX вв., и только некоторые путешественники, среди которых первое место занимает маркиз де Кюстин, сумели не поддаться власти лести и денег и открыть европейцам глаза на подлинную Россию — “царство шпионов”, где обычными являются “неизвестные ни в одной другой стране раболепство и пресмыкательство, унижитель-

ная угодливость и полное забвение всякого человеческого достоинства”¹. Именно Кюстин сумел заглянуть в душу “российскому сфинксу” и разгадать загадку “национального гения” России, сказав, что причина его — в империализме. Миражи России, добавляет Голубенко, это наиболее эффективное средство вести войну с Западом, к тому же преимущественно силами самого же Запада.

В XX в. был создан новый, “советский мираж”, с помощью которого России удалось не только спрятать свою агрессивную натуру, но и предстать в образе миролюбивого и демократического государства. Этот мираж получил невиданное раньше распространение и признание, так как в рядах adeptов СССР оказались многочисленные политики, деятели культуры и науки, а также философы. “Москва имеет сегодня у себя в распоряжении не только отдельных писателей и журналистов, но и свои трибуны в столицах Западной Европы, и массовое движение служит российской пропагандистской машине”². Голубенко с прискорбием констатирует тот факт, что на состоявшейся в Берлине чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в 1954 г. выступали как советские идеологи, так и представители Запада, в том числе и Ж.-П. Сартр, чтобы “от своего имени повторить основные лозунги советской пропаганды”³. Причину благосклонного отношения к России украинский националист видит все в той же податливости западной интеллигенции, готовой старательно отрабатывать полученные гонорары, которые измеряются теперь намного большими суммами и называются “Сталинскими премиями за укрепление мира”. «Как видим, — делал вывод Голубенко, — Москва ухитряется сегодня вести борьбу против Запада при помощи выдающихся политических деятелей того же Запада и уничтожать лучшие традиции западной культуры при помощи западноевропейских “философов” и деятелей западной культуры»⁴. Итогом этой борьбы станет мировое господство Москвы — заветная мечта российского империализма.

Особую роль в утверждении «безумства нашего времени, когда даже выдающиеся писатели и деятели культуры Запада не только помогают создавать новый “российский мираж”, но и становятся орудием СССР в его борьбе против западного мира — на службе наиболее деспотической, реакционной и кровавой империи, которая когда-либо существовала в истории человечества»⁵, играет русская культура и, в частности, литература. С точки зрения Голубенко, сочинения Пушкина, Тургенева, Толстого и других русских писателей XIX в. были проникнуты имперским духом и навязывались порабощенным народам с целью их русификации, т. е. культурного и политического уничтожения. Эту же функцию

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 43.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 45.

русская литература сохранила и в советское время, только сфера ее влияния значительно расширилась: речь идет уже о народах всего мира, которые посредством русской литературы советизируются, т. е. становятся винтиками в идеологической машине Российской империи. Поскольку нет принципиальной разницы в процессах русификации и советизации, то и литераторы-эмигранты, и сотрудники Главлита преследуют одну и ту же цель: «миф России-Мессии связывает русскую белую эмиграцию и красных кремлевских мечтателей в одно неразрывное целое, и те и другие делают одно российское дело, которое состоит в утверждении величия и силы Российской империи и в осуществлении ее “великой исторической миссии”»¹. Украинской диаспоре, таким образом, приходится бороться как с Россией советской, так и с Россией зарубежной, и не всегда эта борьба пользуется сочувствием со стороны западных стран.

Характеризуя существо России, Голубенко утверждает, что она немислима вне своеобразной российской “системы”. Эта система явилась результатом длительного исторического развития России и включает в себе различные стратегии осуществления империалистических идеалов. Российская система тотальна: она охватывает все аспекты социально-политической и культурной жизни русского народа и выражается в самодержавно-деспотических институтах государственной власти, а также в соответствующих принципах педагогики и народного образования. Призванная во что бы то ни стало создать благоприятные условия для развития “гения нации”, она поддерживается суровым централизмом, военной дисциплиной и ужасными пытками. Высшей ценностью здесь является государство, во имя которого оправданны любые жертвы, а личность человека полностью нивелируется, уступает место общине. Характерной чертой функционирования российской системы можно назвать, согласно Голубенко, принцип круговой цензуры: за соблюдением государственных интересов следят не только специальные чиновники, но и все подданные русского царя, так как им вменяется в прямую обязанность доносить на своих знакомых, друзей и близких, замеченных или подозреваемых в антиправительственных действиях и замыслах. Особо много было доносчиков среди верноподданных литераторов, что обуславливалось отчасти спецификой русской литературы в целом. Больше всего, продолжает Голубенко, российская система боится мысли и делает поэтому все возможное, чтобы заставить русских довольствоваться готовыми решениями и инструкциями, а не думать самостоятельно.

Во время правления Петра I и Николая I российская система функционировала наиболее эффективно, вследствие чего Петру I удалось покорить своей воле даже мысли, обычаи и духовные силы нации, а Николаю I — унифицировать все элементы общественной и политической жизни. Однако максимальное выражение

¹ Там же. С. 48.

эта система нашла в тоталитарном режиме Ленина и Сталина. «Несмотря на смену правительств и режимов, российская система остается в основе той же. В силу своих исторических традиций и предназначения она остается неизменной во все времена, несмотря на все смены царей и вождей на внешнюю белую или красную окраску»¹. Постоянство системы выступает гарантом исторической стойкости русского государства, но в то же время оно препятствует его развитию. Поскольку российская система является аисторической и константной, она не способна эволюционировать в сторону демократических форм и не может быть для мирового сообщества ничем иным, кроме источника постоянной опасности. А значит, заключает Голубенко, ее следует уничтожить. «Все больше исследователей приходят сегодня к выводу, что “русская проблема”, которая стала угрозой для всего свободного мира, является проблемой роста и расширения Российской империи — проблемой российского империализма. Этот взгляд открывает дорогу к раскрытию наибольшей тайны “российского сфинкса” — того, который является пружиной продолжения исторического существования российской тоталитарной системы при всех революционных потрясениях и сменах правительств, а вместе с тем и к открытию той Архимедовой точки опоры, которая дает единственную возможность для ее преобразования и уничтожения»².

Подводя итог всему, сказанному в адрес “российской системы”, Голубенко делает следующие выводы. Во-первых, Российская империя является первоисточником, из которого вытекают все негативы в русском национальном характере и все недостатки российского общества, и поэтому она является “очень неудачным творением истории”. Во-вторых, в многонациональном государстве, каковым следует признать Россию, нарушены права малых народов, и роль диктатора отведена русским, которые стремятся всеми способами подчинить остальные национальности своему московскому централизму и своему образу жизни. В-третьих, российский мессианизм и московский “шовинистический универсализм” выполняют функцию внутреннего двигателя российского империализма с его нивелирующими русификаторскими тенденциями. В-четвертых, русская политическая мысль основывается на идее российской великодержавности и особой роли России в мире, причем политическое сознание россиян отличается автаркизмом и косностью, что выражается в буквальной трансляции идеологемы Москвы — III Рима и Святой Руси через славянофильство и почвенничество к коммунистическому мессианизму Москвы — столицы III Интернационала. В-пятых, идолопоклонство перед государством повлияло на всю систему российской общественно-политической жизни, а также на русскую литературу и науку.

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 53.

Наиболее пагубное влияние идея российской великодержавности и мессианизма оказала на порабощенные Россией народы, и прежде всего на украинцев. С самого момента присоединения Украины к России политика московских царей была направлена на полную ассимиляцию и русификацию украинского народа и уничтожение украинской культуры, чему способствовали также русская публицистика и наука, в частности историография. С этой целью был создан миф единства русского народа и неделимости российского государства. По Голубенко, этот “миф” представляет собой сочетание различных “теорий”, выдвинутых с целью идеологического обоснования империалистической политики России. Прежде всего, это теория прарусской народности как общего корня трех “братских” славянских народов — великорусского, украинского и белорусского. К ней примыкает тезис о единстве истории этих народов, что в действительности предполагает сведение их истории к истории великорусской, т. е. нивелирование национальных особенностей исторического развития украинского и белорусского народов. Затем следует теория единства русской культуры и зависимости от нее культуры украинской, а также благотворного влияния русской культуры на все остальные. Эта теория, в свою очередь, основывается на факте присвоения Россией культурного наследия Киевской Руси, для чего Киев был провозглашен “матерью городов русских”. Все эти элементы российского мифа преобладают в мировоззрении не только русской интеллигенции, но благодаря русской литературе и исторической науке распространены также и на Западе, вследствие чего многие западные историки предпочитают придерживаться московского взгляда на историю России и Украины, считая украинскую версию тенденциозной и националистической.

Миф единства русского народа является неременным условием успешного функционирования “российской системы”, и поэтому он был востребован и в царской России, и является востребованным в России советской, хотя в действительности он противоречит, согласно Голубенко, историческим фактам и современным реалиям русско-украинских взаимоотношений. Украина никогда не была составной частью Российской империи — в смысле добровольного содействия росту ее могущества. История свидетельствует о том, что Москва на протяжении веков вела и продолжает вести непримиримую войну с украинским народом, его культурой и историей. В свою очередь, Украина никогда не переставала бороться за свою свободу, а следовательно, всегда старалась сломать российскую систему и вырваться из “тюрьмы народов”. Это значит, что культурный антагонизм является фактом, отрицать который нельзя, но который следует правильно понять и сделать из него соответствующие выводы. Факт борьбы двух культур свидетельствует, по крайней мере, о том, что эти культуры принципиально различны и что украинская культура требует соответствующих условий для своего развития, так как культурное “сожительство” привело к деградации украинской культуры. Выводы, которые предлагает сделать Голубенко, сводятся к утверждениям, что “Ук-

раина с ее культурно-историческими традициями представляет собой полностью отдельный и суверенный национальный организм, который не может сжиться и примириться с российской системой”¹, и что “союз Украины с Россией оказался для нее не только невыгодным, но и стал источником ее трагедии, равной которой не найти в истории человечества”².

Интересно заметить, что переходя к обоснованию национальной исключительности украинцев, Голубенко использует уже проверенный в националистической риторике прием отождествления нации с политической партией. Как и Грушевский, он трактует движение украинства и потом саму украинскую национальность с политической точки зрения — как общество сознательных борцов за свои интересы, характеризующееся стабильностью взглядов, однозначностью оценок и готовностью к решительным действиям. Неудивительно поэтому, что и история Украины, и характеристика общественно-политических идеалов и основных черт национального характера украинского народа похожи у Голубенко скорее на хорошо продуманную партийную программу, манифест, а не на объективный отчет стороннего наблюдателя. В этой программе нет неоднозначных вопросов, неразрешимых проблем, противоречий, и поэтому она так же далека от действительности, как и любая другая националистическая идеология, стремящаяся во что бы то ни стало способствовать ниспровержению “московских оккупантов”³, а не научному поиску истины.

К примеру, многочисленные экскурсы в историю, которые предпринимает Голубенко, преследуют одну цель — убедить читателя, что Украина — это страна западная, принадлежащая к культурному пространству цивилизованной Европы, в то время как Россия — это противоевропейское государство восточного типа, с ярко выраженной ментальностью варваров. Украина с самого начала своей истории была тесно интегрирована в политическую и культурную жизнь европейцев, характеризовалась наличием демократических институтов и стремилась к жизни на федеративных и вечевых началах. Россия, или Московия, образовалась на севере из смешения разных племен, пришедших с востока, и стала развивать свою государственность на основе самодержавия и деспотического централизма. Общественная жизнь на Украине формировалась исходя из принципа индивидуализма, предполагающего наличие у человека чувства собственного достоинства и уважения к личности другого, в то время как в России основным элементом была община с ее принципом умаления ценности отдельного лица и его свободы, которая стала приноситься в жертву интересам “мира”. На Украине в течение веков выработывалось чувство индивидуальной ответственности и всячески поощрялось развитие инициативы, в России же привыкали как раз к обратному — к круговой

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 63.

поруке и пассивности, к жизни по указке сверху и т. д. Однако отличия украинцев от русских обуславливаются не только своеобразием исторических судеб. Голубенко не раз подчеркивает важный для национализма тезис об разном этническом субстрате украинской и русской наций. “Непредвзятые исследования даже русских антропологов отмечают значительные отличия между украинцами и русскими (москвитами-великороссами). Достаточно сравнить национальные типы Шевченко и Гоголя с русскими Толстым и Некрасовым, чтобы убедиться в этом явным образом”¹. К сожалению, Голубенко не указывает, какие сочинения русских антропологов он имеет в виду, и не занимается компаративистикой национальных черт в лице упомянутых им писателей, не говоря уже о том, чтобы объяснить, какими критериями он руководствовался при выборе именно этих писателей в качестве адекватных представителей соответствующих национальностей. На пафосном призыве сравнить “очевидное” его аргументация заканчивается.

Отстаивая тезис борьбы двух культур и выступая против того, чтобы рассматривать процесс культурного взаимодействия как постепенное взаимообогащение русской и украинской культур, Голубенко не мог не обеднять историю — и прежде всего украинского народа, превращая ее в схему. Однако только в таком схематическом виде история Украины позволяла ему оперировать однозначными понятиями: “западный” — в значении “положительный, цивилизованный, прогрессивный”, и “восточный” — в смысле “отрицательный, невежественный, варварский, реакционный”. Противоположность идеалов общественно-политической и культурной жизни русского и украинского народов не оставляла никакой возможности для их взаимного признания и мирного сосуществования. Никакого обогащения украинской культуры достижениями русских не могло быть, утверждает Голубенко, потому что поработенная культура существенно отличалась от господствующей культуры и была во всех отношениях выше и развитее ее. Косвенно невозможность благотворительного влияния русской культуры доказывается и тем обстоятельством, что на протяжении трех с половиной веков Украина не имела с Россией ни естественной, географической, ни политической границы, так что, казалось бы, ничто не мешало русским беспрепятственно проникать на Украину и русифицировать ее, но как ни старались русские стереть все национальные отличия украинцев, им это сделать не удалось: сохранился украинский язык, возникла, вопреки сомнениям российских идеологов, украинская литература, сохранились казачьи песни и с ними — подлинная история Украины, сохранилось в общественном сознании украинцев воспоминание об их отличии от русских и т. д. Причина этого в том, что в действительности всегда существовала и существует теперь культурная граница между Украиной и Россией, и эта граница намного важнее, чем географическая и даже политическая границы. Культурная граница

¹ Там же. С. 64.

не обозначается на картах, и ее нельзя изменить по собственному желанию, но именно благодаря ей не произошло культурного и национального смешения двух соседних народов. Как до присоединения Украины к России, так и после длительного периода великорусского господства можно сказать, что “Киев и Москва являются двумя противоположными центрами двух разных систем с противоположным направлением их общественно-политических тенденций и культурных ценностей”¹. При первой же возможности, замечает Голубенко, Киев, тенденциозно провозглашенный “матерью городов русских”, поспешил отмежеваться от России и стать столицей украинского государства. И если в Петербурге и Москве после революции без труда победил большевизм, полностью соответствовавший империалистическому духу русских, то в Киеве было создано свободное демократическое государство. “Это является бесспорным доказательством принадлежности Украины к иному, чем Россия, культурному пространству”².

Интересно заметить, что теория борьбы двух культур обосновывалась в одно время и большевистскими идеологами, которые выдвинули положение о том, что русская культура как культура города более развита и более прогрессивна, чем украинская культура — культура села, и поэтому необходимо бороться за победу на Украине русской культуры³. Голубенко, выступая, разумеется, против превосходства русской культуры, тем не менее поддержал саму идею противопоставления двух культур и их непримиримой борьбы. Только победителем в этой борьбе суждено было стать не русской, а украинской культуре, которая «предоставляет единственную возможность перевернуть “российский мир”, разбить российский мессианизм и, развалив империю, оттеснить Россию до ее этнографических границ»⁴. Победа украинской культуры откроет путь к свободному культурному строительству во всей Восточной Европе, а также и в России, где “освобожденный от ярма империализма” русский народ получит возможность развить новую, невеликодержавную культуру.

Особое внимание уделяет Голубенко критическому разбору теории украинизации России. Эта теория, которая на первый взгляд кажется вполне убедительной и льстящей национальной гордости украинцев, является в действительности опасным средством русификации Украины, поскольку способствует созданию иллюзии культурного единства украинского и русского народов. В основу теории

¹ Там же. С. 68.

² Там же.

³ См.: *Лебедь Д.* Внимание идеологическому фронту // *Большевик*. 1928. №7. — Критику позиции Лебеда см.: *Скрипник М.* Лист до т. Лебеда // *Більшовик України*. 1928. №9–10. — Полемика по поводу “более высокой русской культуры” и “отсталой украинской культуры” завершилась на XII съезде КП(б)У, принявшем резолюцию о недопустимости противопоставления культур и необходимости вести борьбу с остатками великорусского шовинизма.

⁴ *Голубенко П.* Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 74.

украинизации положены реальные исторические факты, и это делает ее правдоподобной, хотя впоследствии из истинных посылок делаются совершенно противоположные выводы. Так, совершенно бесспорным является тот факт, что к моменту присоединения Украины “Московия была темным царством деспотического правления, в котором культивировалось недоверие к науке и образованию, соединенное с тупой ненавистью ко всему иностранному”¹, в то время как на Украине практически все были грамотными, а представители высшего духовенства, как правило, завершали свое образование в университетах Запада и были людьми учеными, ораторами и правоведами, хорошо знали логику и философию. Принципиальные отличия русской и украинской культур были зафиксированы и в путевых заметках европейских путешественников, характеризовавших Украину и Московию как два разных культурных мира, причем симпатии их всегда лежали на стороне украинской культуры, которую они сравнивали с европейской. И в этом, говорит Голубенко, не было никакого преувеличения, поскольку границы Европы на востоке замыкала собой Русь-Украина, относящаяся к цивилизации Запада, хотя и находящаяся под большим влиянием своего северного соседа. Дальше начиналось совершенно другое культурное пространство, органичным элементом которого была Московия, вызывавшая у европейских путешественников по преимуществу негативные эмоции и оценки. Все это свидетельствует в пользу изначальной самостоятельности и уникальности украинской культуры, во всех отношениях превосходящей культуру русскую.

Интенсивные культурные взаимоотношения Украины и России начинаются с конца XVI в. и становятся еще более тесными в последующее время. Бесспорным является и тот факт, который тоже положен в основу теории украинизации России, что характерной чертой этих отношений являлось “культурное превосходство Украины над Москвой, с одной стороны, и недоверие и враждебность москвитов по отношению к украинцам — с другой”². Голубенко с гордостью перечисляет имена выдающихся “украинских культуртрегеров”, заполонивших Москву после соглашения 1654 г. Сначала это были воспитанники и преподаватели славяно-греко-латинской школы при Киево-Печерской лавре Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Симеон Полоцкий, Иннокентий Гизель, Иоанникий Галятовский, Лазарь Баранович и многие другие, а потом — выпускники и преподаватели Киево-Могилянской академии Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович и др. Все “украинские просветители” вели себя как представители более высокой культуры, подчеркивая свое превосходство в том числе и высокомерным отношением к варварам-москвитам, насмешками над их дикостью и невежеством, нежеланием признавать великорус-

¹ Там же. С. 128–129.

² Там же. С. 130.

ский язык и культуру, так что зачастую свои лекции они читали так же, как и раньше, на Украине, заставляя учащихся разговаривать с ними на том же наречии, на котором говорили они. Отрицательное и отчасти агрессивное отношение к русским обычаям и культуре в целом оказалось на руку Петру I, борвавшемуся против старой Московии с целью сделать из нее европеизированную Россию. Украину он считал страной с отчетливо выраженным европейским влиянием, и поэтому украинизация была первой ступенью европеизации. Во времена Петра I, утверждает Голубенко, “уже сама принадлежность к украинской национальности была надежным аттестатом для занятия высокой должности в Москве”¹.

Говоря о культурном влиянии украинцев на русскую культуру в XVI–XVIII вв., Голубенко предельно идеологизирует это явление и использует его для доказательства своих националистических тезисов, редуцируя сложный процесс культурного взаимодействия. Так, все украинцы, приехавшие в Москву, преследовали, согласно его описанию, исключительно благородные цели и всегда оставались патриотами Украины, ни на минуту не забывая о своем происхождении и о превосходстве их родной культуры. Опираясь простыми и однозначными понятиями, он создавал идеальный образ “украинцев”, которые по определению должны быть образованными, умными, нравственными, с высоко развитым эстетическим чувством, аккуратными, свободолюбивыми и т. д. Очевидно, что такая идеализация не выдерживала никакой исторической критики и могла послужить причиной дискредитации националистической идеологии украинства. Учитывая это обстоятельство, современные идеологи украинского национализма критически корректируют позицию Голубенко и утверждают, в частности, что среди украинских просветителей могли быть и люди с негативными качествами, стремящиеся воспользоваться сложившейся политической ситуацией для достижения своих корыстных целей. Однако пропагандируемая Голубенко идеология о тождестве украинства, с одной стороны, и порядочности и высокой интеллектуальности, с другой, сохраняется и в современной националистической риторике, вследствие чего “досадные исключения” объясняются, как правило, неполной принадлежностью к украинской национальности. К примеру, в книге «Язык и нация», вышедшей в 1994 г. и адресованной учителям и студентам гуманитарных вузов в качестве “научного” и “объективного” исследования, несоответствие результатов научной работы Иннокентия Гизеля априорным задачам украинской исторической науки интерпретируется как простое следствие неукраинского происхождения ученого. “Теорию единства Руси-России разработали в XVIII столетии немцы, в частности Ф. Миллер. Екатерина II пригрозила всем несогласным с этой теорией тюрьмой. А первым начал доказывать, что Москва — наследница Киева, еще в семидесятых годах XVII столетия ректор Киевской коллегии и архимандрит Кие-

¹ Там же. С. 131.

во-Печерского монастыря И. Гизель. Он тоже был по происхождению немец, и есть основания считать, что свою концепцию обосновал не бесплатно”¹.

С точки зрения Голубенко, культурное преобладание Украины над Россией в течение нескольких веков после ее присоединения не вызывает никаких сомнений. “Культурная гегемония Украины в XVI–XVIII вв. выразилась таким образом в фактической культурной оккупации Московии украинскими культурными силами”², однако это не позволяет сделать вывод об украинизации России. Комментируя статьи Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме» и «К проблеме русского самопознания», в которых проводилась мысль о том, что процесс украинизации при Петре I привел к утверждению украинской культуры в качестве официальной редакции общерусской культуры, вследствие чего именно украинская культура составляет существо великорусской культуры, Голубенко указывал на невозможность такой ассимиляции ввиду разных принципов, лежащих в основании двух национальностей и их культур. Ссылаясь на работу того же Трубецкого «Европа и человечество», он доказывал, что невозможно полностью приобщить один народ к культуре, выработанной другим народом, без антропологического смещения, а так как этого смещения не произошло, то не может быть и речи об украинизации русской культуры. Вообще синкрет украинской культуры и великорусской государственности не годится для того, чтобы образовать прочный фундамент великорусской культуры: это искусственный синтез, имевший место только в воображении “патриотов империи”, каковым и был Трубецкой. Более того, согласно одному из тезисов «Европы и человечества», европеизация ни в коем случае не может быть полезной народу, не принимавшему участия в образовании европейской культуры, потому что заимствование инокультурных ценностей и стремление быть похожим не на себя, а на другой народ, приводит к вечному отставанию и застою — к “скачущей эволюции”, когда за каждым “скачком” следует период инерции, насильственного приведения национальной культуры в соответствие с заимствованными нормами, которые воспринимаются статично, т. е. как догмы, в то время как на самом деле они развиваются, трансформируются в другой культуре и требуют совершения очередного “скачка”, и т. д.³ Если же теперь слово “европеизация”, против которой выступал Трубецкой, заменить словом “украинизация”, за которую он ратовал, то окажется очевидным, что закон “скачущей эволюции” должен был быть применен и к России, которая тоже никак не участвовала в создании украинской культуры. Но так как процесс украинизации не только не привел к вечному отставанию великорусской культуры от украинской, но и способствовал деградации последней, то очевидно, что ника-

¹ Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація. Дрогобич, 1994. С. 175.

² Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 134.

³ См.: Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. М., 1993.

кой украинизации в действительности не было, а было только желание найти новый способ обосновать мифологему общерусской культуры, которая была бы близкой украинцам и препятствовала бы развитию украинского сепаратизма, направляя творческие силы украинцев на активное участие в великорусском культурном строительстве. «Окончательно ясно, — делал вывод Голубенко, — что кн. Н. Трубецкой “украинизирует” великорусскую культуру с очевидной политической целью — сберечь единство империи»¹.

Итак, концепция Трубецкого, его понимание русско-украинских отношений — это одна из попыток российской фальсификации истории. На самом деле не было “культурной украинизации Великороссии” и “превращения украинской культуры в культуру общерусскую”, а было поверхностное подражание украинским культурным нормам, которое не могло существенно повлиять на великорусскую культуру. Голубенко полностью соглашается с украинским историком Д. И. Дорошенко, утверждавшим в ответе Трубецкому, что украинская культура не была пересажена Петром I на великорусскую почву, так как он попытался перенять лишь отдельные ее стороны, причем это заимствование было формальным, а не содержательным, — таким же, каким было и заимствование европейской культуры, когда усваивались только внешние практические достижения, а не европейский дух². Вследствие утраты государственности и в результате московского закабаления украинцы действительно стали подданными российского царя и вынуждены были принимать участие в политической и культурной жизни России, но это совсем не значит, утверждает Голубенко, что они стали россиянами и перестали быть украинцами. «История говорит о полностью противоположном: украинцы всегда боролись против “московского государственного максимализма” и империализма, и в этом они обнаруживают свою принадлежность к другой культуре»³.

Теория борьбы двух культур с необходимостью предполагала четкое разграничение между “украинскими” и “русскими” деятелями науки, искусства, философии и писателями, а также “тяжбу” из-за “Киевского наследия”, т. е. истории и культуры Киевской Руси. Голубенко с энтузиазмом включается в затянувшийся спор о праве на “продукты творчества украинского гения, украинского духа”⁴ и доказывает, что не все, написанное по-русски, можно считать русским, так как многие “российские” писатели и ученые на самом деле являлись украинцами и должны быть возвращены украинской культуре. Список имен украинцев, принявших участие в развитии русской культуры, слишком огромен, так как они

¹ Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 137.

² См.: Дорошенко Д. И. К украинской проблеме // Евразийская хроника. 1928. Вып. 10.

³ Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 139.

⁴ Дорошенко Д. И. К украинской проблеме. С. 48.

проявили себя во всех ее сферах. «Видим выдающиеся фигуры украинцев в “русской философии”: Скворода, Юркевич и другие; в разных отраслях науки: М. Остроградский, Костомаров, Максимович, Бодянский, Срезневский, Потенция, Сумцов, Ефименко, М. Стороженко, М. Драгоманов, М. Ковалевский, Овсяннико-Куликовский, К. Ушинский и т. д. Особенно большим и показательным был бы перечень имен украинцев в “русской” живописи и литературе. Достаточно вспомнить имена, которые репрезентируют живопись: Д. Левицкий, В. Боровиковский, К. Трутовский, А. Куинджи, Н. Пимоненко, П. Мартинович, С. Васильковский, Н. Самокиш, И. Репин и другие. Среди имен, которыми гордится русская литература, есть также целый ряд украинцев: Богданович, Капнист, Нарижный, Гнедич, Гоголь, Данилевский, Мачтет, Короленко...»¹.

Особое значение в этой полемике занял спор о том, кто стал наследником Киевской Руси и в настоящее время продолжает ее культурно-исторические традиции. Согласно расхожей аргументации украинских националистов, Москва “украдала” исконное название Украины и вместе с ним все богатство культуры древнерусского государства, которым она, разумеется, никак не воспользовалась. Вообще идеологема о незаконном присвоении Москвой исторического имени Украины является общим местом в риторике украинства и со времени написания «Истории русов» оставалась без изменения. Голубенко подчеркивает, что острота этого спора определяется не столько историческим интересом, сколько идеологической конфронтацией “южан” и “северян”. Вопрос о “Киевском наследии” касается не прошедшего, а настоящего. “В области русско-украинских культурных отношений этот вопрос выходит за рамки чистой науки и приобретает острый политический характер. В одном случае ответ на этот вопрос означает отрицание существования целой нации, а в другом — демаскирует империю как грабительницу чужой собственности”². Поскольку в споре об истории Киевской Руси меньше всего шла речь об истории и никому из украинских историков, за которыми Голубенко признает очевидное преимущество, не было дела до исторической истины, то этот открыто идеологический спор несовместим с объективной научной критикой. Для украинских националистов Киевская Русь всегда была идеалом, а не реальностью, они искали в ней авторитетное свидетельство правоты своих политических взглядов и националистических амбиций, судью современной Украины, отказывавшейся в основной массе своего народа становиться под знамена воинственного национализма, так что древнерусское государство, о котором писали идеологи украинства, не могло соответствовать исторической действительности.

¹ Там же. С. 201.

² Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 90.

Это доказывается, в частности, борьбой украинства против теории “общерусского корня”. Согласно Голубенко и другим идеологам национализма, концепция прарусской народности была создана великорусскими историками с целью оправдания империалистической политики Москвы и обоснования ее права на “собрание русских земель”. Основными аргументами этой теории являются указания на общность языка, религии, культуры и преемственность политической власти. Голубенко опровергает все эти аргументы. Во-первых, украинский язык походит на русский так же, как и на сербохорватский или польский, но никто не утверждает их изначального единства; отсюда следует, что украинский и русский языки, несмотря на их схожесть, разные и совершенно самостоятельные, а существование прарусского языка является мифом. Кроме этого, единство языка отнюдь не предполагает родства народов. Во-вторых, общность религии не может служить доказательством “общего корня”, потому что христианство — это интернациональная религия и распространена среди многих народов. В-третьих, культура Киевской Руси принципиально отлична от культуры Московского государства, и это видно из сопоставления множества памятников Киевской и Московской эпох. В-четвертых, несмотря на то, что Москва была основана киевским князем и что московские правители были потомками Рюрика, ни о какой преемственности политической власти говорить нельзя. Политическая связь русских племен под властью одной киевской династии с преимущественным влиянием Киева не могла сгладить особенности их развития, нивелировав их в одну “прарусскую народность”, так же, как политическая гегемония Москвы в свое время не могла упразднить национальные отличия поработенных ею народов и превратить их в единый российский народ. “Исторический процесс вел и привел не к слиянию, а к разрыву между югом и севером. Захват и разгром Киева 1169 года северными силами князя Андрея Суздальского можно рассматривать как один из целого ряда фактов, которые свидетельствуют о расхождении между двумя мирами, символизирующимися Москвой и Киевом”¹.

Голубенко делает акцент на коренном, а не историческом отличии русской культуры от украинской. Он отказывает России даже в праве считаться “недостойным потомком” великих предков, утверждая, что московская система выросла из совершенно другого корня, чем киевская цивилизация, и в этом наиболее ярко выражается идеологический смысл его исторических экскурсов. Миф “братских народов” был создан, по его мнению, лишь для того, чтобы под видом братской любви и единства вести борьбу с украинской культурой и осуществлять “политику народоубийства”, а поэтому Голубенко намеренно “забывает” о положительных моментах взаимодействия двух культур, исключая их априори. Очевидно, что отрицание какого бы то ни было родства украинцев с великорусским народом

¹ Там же. С. 100.

потребовалось Голубенко для того, чтобы осуществить редукцию истории к идеологии, упростить процесс национальной самоидентификации украинцев и добиться повышения уровня “национальной сознательности”.

С развенчанием мифологемы прарусской народности непосредственно связана борьба за историческое название Украины, которое было утрачено ею вследствие “беспримерного культурного грабежа и присвоения русскими древней украинской истории и ее культурного наследия”¹. Перед Голубенко стояла двоякая задача: во-первых, объяснить, почему самоназвание праукраинского государства оказалось утраченным, и во-вторых, доказать историческую уместность и правомерность употребления названия “Украина” для обозначения всего государства. Для решения этих задач необходимо было опровергнуть, прежде всего, распространенные теории — как в России, так и на Западе, согласно которым “Украина” трактовалась как окраина соседних стран — Литвы, Польши, России и Австрии, владевших украинскими землями в разное время. Голубенко начинает с того, что вскрывает “империалистический” смысл такого истолкования слова “Украина”, а мнения западных историков объясняет не критическим принятием московской концепции ввиду успешной ее пропаганды российскими учеными за рубежом. Впервые, утверждает Голубенко, слово “Украина” было употреблено в 1189 г. в отношении к Галицко-Волынскому княжеству, т. е. раньше образования Великороссии, а значит, не может считаться названием ее окраины. На протяжении веков названия “Украина” и “Русь” употреблялись как синонимы, и когда Московия присвоила себе имя “Русь”, Украиной стали называться те земли, в которых сохранилась связь с культурой Киевского государства, т. е. западные земли Галицкого княжества, откуда потом это название перешло и на восточную часть Украины — в конце XIX в., с целью единения украинского народа, искусственно разделенного между двумя империями — Россией и Австро-Венгрией.

В этих рассуждениях Голубенко, как и в рассуждениях других идеологов украинского национализма, недостает положительного истолкования названия “Украина”. В частности, он не мог убедить своих современников отказаться от традиционного названия “русины” в пользу того, чтобы называться “украинцами”. “Украина” продолжала ассоциироваться с “окрайной”, пусть не Московского государства и даже не Польши, а Киевской Руси или Европы. В настоящее время проблема имени Украины остается все еще открытой, несмотря на многочисленные попытки националистов предложить ее решение. К примеру, была создана теория, согласно которой предками украинцев были укрывы — одно из племен древних арийцев, живших на территории современной Украины и основавших свое государство. Однако эту теорию не смогли подтвердить ни упоминанием укров в мифологии, ни в исторических документах, ни с помощью изучения исто-

¹ Там же. С. 105.

рии языка¹, так что в конце концов пришлось признать, что история укров реально существует только в гипотезах ее сторонников. Другая теория, которая является сейчас почти официальной версией появления термина “Украина”, основывается на лингвистическом анализе и новой этимологии. “Украина” выводится теперь не от слова “окраина”, а от глагола “кроить”, “выкраивать” в значении “выделить”, “оторвать”, “отделить”. Подобно выражению “вкряяти хліба” (что значит: “отделить, отрезать кусок хлеба”), в украинском языке существовало и выражение “вкряяти землю”, т. е. отгородить участок земли, сделать его своим. «Так же, как выкроенный хлеб называется краюхой, выкроенная (то есть отделенная от остальной, выделенная среди других) земля будет называться Украиной (Вкраиной). Мы и сегодня употребляем слово “краина”, образованное от слова кроить, как общее название выделенных из общих земель. За своей родной землей закрепился термин — Украина (Вкраина), с позднейшим переносом ударения на “и” — Украина... Таким образом название нашей земли, нашего государства и нашей тысячелетней традиции — “Украина” — значит буквально: “земля, выделенная для нас из общей, отделенная от остальной”, короче — “наша собственная земля»².

Большое внимание уделял Голубенко и “отвоеванию” у русской культуры “гениев украинского духа”. Достаточно будет проследить за тем, как он справлялся с этой задачей, на примере интерпретации творчества Гоголя — “наиболее выдающейся и трагической фигуры в истории русско-украинских культурных отношений”³. Сразу же нужно заметить, что Гоголь вызывал неоднозначную реакцию и оценку у идеологов украинства. Сложность состояла в том, что будучи украинцем и посвятив украинской, в частности казацкой, тематике большую часть своих произведений, Гоголь в последний период своего творчества открыто стал на промосковские позиции, превратившись в апологета самодержавия и русской духовности. Такая трансформация не была поверхностной или фальшивой, и поэтому она послужила причиной негативного отношения к писателю многих украинофилов и националистов. Неслучайно первым, кто опубликовал известное письмо Белинского к Гоголю, был Драгоманов, а Грушевский публично называл Гоголя “хамом московским”. Традиционно “проблема Гоголя” объяснялась его духовным кризисом, который не мог не произойти в условиях Российской империи, задавившей талант украинского писателя. Однако для Голубенко такое решение казалось недостаточным. Оставаясь последовательным в своей националистической риторике, оперировавшей однозначными понятиями и идеологическими константами, он попытался взглянуть на творчество Гоголя с точки зрения его куль-

¹ Согласно правилам украинского языка государство укров должно было называться “Укрия”, а не “Украина”.

² Братко-Кутинський О. Феномен України. Київ, 1996. С. 67.

³ Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. С. 264.

туртрегерской миссии как писателя-украинца, решившего пожертвовать собой ради блага Украины.

Прежде всего, Голубенко акцентирует внимание на конфликтной стороне отношений украинского писателя с российской публикой и литературной критикой. С одной стороны, это был не просто конфликт писателя Гоголя с недооценившими его дарования читателями — “в конфликте Гоголя с русским обществом явно виден национальный момент — он случился на национальной почве и символизирует собой конфликт двух культурных типов”¹. Как любой украинец, Гоголь, согласно Голубенко, не мог не чувствовать антипатию к России в целом, и в его сочинениях отразилась враждебность ко всему русскому, что в результате поспособствовало писателю со всем российским обществом, привело к добровольной эмиграции, послужило причиной его душевной драмы и творческой катастрофы, завершившейся трагическим концом, “похожим на самоубийство”. С другой стороны, именно благодаря этому конфликту Гоголь сумел добиться большой популярности у определенной части российской публики, которая не могла не признать превосходство украинского гения над всеми русскими писателями, в том числе и над Пушкиным, что свидетельствовало о несоизмеримо высоком потенциале украинского культурного типа. “Успех Гоголя в русской литературе, — утверждал Голубенко, — был обусловлен не столько силой его таланта, сколько украинским характером его творчества... иначе говоря, национальными отличиями и особенностями двух культур — русской и украинской”².

Несмотря на большое влияние Гоголя на русскую литературу (так, Чернышевский называл его “целой эпохой в развитии российского самопознания”, Белинский восхищался “совершенно новым миром творчества, которого никто не подозревал и возможности” и т. д.), он оставался ей чужд и непонятен, поскольку выражал совершенно другие духовные ценности. Поэтому Гоголь принадлежит русской литературе только формально и не может считаться русским писателем. Он всегда смотрел на Россию “сбоку” и умел замечать то, что не было видно другим. Он смеялся над Россией, унижал ее, а она в лице своих прогрессивных писателей и политической оппозиции рукоплескала ему. Но не следует думать, продолжает Голубенко, что Гоголь был политическим сообщником и единомышленником “русской революционной демократии”. “Революционная роль Гоголя в российском обществе была определена его украинской природой, отразившейся в его сочинениях, и которая была отрицанием московского духа”³. Это значит, что “революционность” Гоголя указывает на более фундаментальное противостояние, чем несогласие с существующей формой власти или политическим режимом. Известно, что он никогда не занимался политикой и всегда стоял в стороне от

¹ Там же. С. 256.

² Там же.

³ Там же. С. 248.

политической борьбы, рассматривая свою писательскую деятельность в духовно-моральном смысле, как служение Добру и Истине. И поэтому тот факт, что Гоголь стал вдохновителем и знаменем целой плеяды революционных деятелей, нельзя объяснить никакими реалиями российской жизни. “Ясно, что реформатором сделала Гоголя его украинская стихия, которая в условиях российской действительности во все времена действовала как революционный и прогрессивный фактор”¹. Украинский писатель протестовал не столько против российской действительности, сколько против России в целом, он приехал в Петербург с твердым намерением продолжить борьбу двух культур — и сам стал жертвой этой борьбы.

Именно поэтому писательскую деятельность Гоголя в России нужно рассматривать исключительно в контексте борьбы украинской и русской культур — к такому выводу приходит Голубенко. Чтобы сделать этот тезис более убедительным, он создает “детективную историю Гоголя” и включает ее в националистический метанарратив, позволяющий увидеть смысл трагедии украинского писателя. Оказывается, что Гоголь появился в столице Российской империи не случайно: им руководили не обстоятельства, не жажда славы российского литератора и не стремление сделать карьеру, а незримая рука поработенной и желающей мести Украины. “Во время Гоголя Украина уже была полностью лишена государственно-политической автономии, включена в состав Российской империи и превращена в глухую провинцию российского государства. Превратив Украину в бесправную колонию, Москва направила всю силу своего государственного, административного, полицейского и культурного аппарата на завоевание души украинской нации, на полную ее духовную и культурную ассимиляцию. На этот выпад Москвы Украина ответила Шевченко и Гоголем”². Но если Шевченко предназначалось завершить литературное возрождение Украины в украинском народном языке, начатое И. Котляревским, и стать глашатаем и предвестником украинской революции, то Гоголю была уготована совсем другая роль: он должен был отправиться в тыл к врагу, чтобы под видом русского литератора и поборника империи разрушать ее изнутри. “В русской литературе Гоголь репрезентировал Украину. Он принадлежал к другому имперскому фронту украинской нации, был носителем и реализатором ее культурной миссии на востоке Европы. Русская литература была для него всероссийской имперской трибуной, а сам он — живым символом культурной экспансии Украины на север, в направлении Москвы и Петербурга”³.

Таким образом, благодаря Гоголю война с Россией стала вестись на двух фронтах — политическом и культурном. Голубенко подчеркивает значимость этой войны не только для освобождения Украины, но и для Европы в целом. С одной

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 246.

стороны, украинизация Московии и ее культуры, чего надеялся достичь Гоголь, прививая “русской литературе литературно-эстетические принципы, которые издавна были свойственны украинской литературе”¹, и тем самым демократизируя ее и делая более гуманной, привела бы сначала к улучшению условий сожительства двух наций в одной стране, а потом — к автономии Украины. С другой стороны, облагораживание России принесло бы пользу всему свободному миру. “Российская империя стала ареной отчаянной борьбы двух культур, которая объективно означает борьбу за духовный облик востока Европы, за господство в этом пространстве киевского или московского национально-культурного типа”². Гоголю удалось многое сделать на этом поприще: он создал целое “гоголевское направление” в русской литературе и общественной мысли, оттеснил на задний план Пушкина — “певца империи со всеми присущими ей чертами”³, культивировал новые моральные и эстетические принципы, однако в конце концов потерпел поражение. Все усилия Гоголя сделать Российскую империю лучше не оправдались, и в этом, согласно Голубенко, состоит главный урок его трагической судьбы.

Поражение Гоголя — это поражение Украины в ее попытках сделать Россию цивилизованной и культурной страной, возвысить ее до культурно-исторических традиций Киевской Руси, т. е. создать Российскую империю “по своему образу и подобию”. Смысл этого поражения, а также того, что «гениальный сын Украины умер в России, которой он пожертвовал свой талант, которую стремился воспеть в образе “птицы-тройки”, но не смог и погиб сам под копытами этой “птицы-тройки”»⁴, в принципиальной несовместимости двух разных культурных типов, в их исторической гетерогенности. “Причина поражения украинского культурного наступления состоит также в глубоких органичных отличиях двух культур, которые могут одна на другую влиять, но не могут укреплять своего национального характера и сливаться”⁵. Отсюда следует вывод, что Россия не может “и не могла быть переделана только культурными средствами и культурными силами другого народа”⁶, для победы над ней необходимы другие методы. Это физическое расчленение и уничтожение. Конечно, Голубенко сразу же оговаривается, уточняя, что речь идет об уничтожении Российской империи и созданной ею культуры, что будет безусловным благом в том числе и для русского народа. “Развал империи и освобождение поработанных Москвой народов является единственным условием освобождения и самого московского народа и

¹ Там же. С. 247.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 308.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ Там же.

единственным путем к моральному очищению московского народа от преступлений московского империализма и освобождению московской культуры от того страшного ярма, которое извращает ее духовный облик”¹. Однако конфликт Гоголя со “всем русским обществом”, а не только с российским государственным и чиновничьим аппаратом, что не раз подчеркивает Голубенко, говорит об обратном. Для Гоголя как “посланца Украины и репрезентанта ее культуры”² не только чиновники и помещики, но все русские люди были “мертвыми душами”. “Гоголевские типы”, утверждает Голубенко, не были карикатурами, а отражали существенные моменты русского национального типа, и поэтому они не исчезнут до тех пор, пока будет существовать Россия и русская культура. «Стойкость, постоянство, живучесть этих типов зависят, очевидно, от того, что в них схвачены не временные или случайные черты, а коренные, органичные свойства “русского человека”, которые могут измениться или совсем исчезнуть только после долгого исторического процесса оздоровления русской национальной психологии»³. Таким образом, уничтожение Российской империи подразумевало искоренение русскости, русской национальности в целом, и именно к этому призывала Украина устами Голубенко, пытаясь поставить Россию перед судом истории. В апологии агрессивности, которая со временем эволюционирует к фашизму, состоит суть любого национализма, в том числе и украинского.

2. Николай Ульянов как критик “украинского сепаратизма”

Монография Н. И. Ульянова — русского историка и публициста, подвергшегося репрессиям в сталинские годы и эмигрировавшего во время войны 1941—45 гг. в Европу, была написана и опубликована им на Западе в 1966 г., однако в России она стала широко известна только в 1996 г., через 30 лет, когда появилось ее репринтное издание. Интерпретация украинского вопроса в «Происхождении украинского сепаратизма» сразу же вызвала большой интерес как у русских, так и у украинских читателей. Несмотря на то, что позиция автора не была оригинальной, а только суммировала традиционную аргументацию сторонников “единой России”, предложенная им в книге трактовка украинства и ключевых моментов истории оказалась весьма актуальной и значительно повлияла на расстановку сил в современном политическом и идеологическом противостоянии России и Украины. Причина такого влияния — в максимальной приближенности работы Ульянова к объективному историческому исследованию, что дало право, в частности, ее издателям характеризовать эту книгу как “единственный научный

¹ Там же. С. 445.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 316—317.

труд во всей мировой историографии, специально посвященный этой проблеме”¹. Конечно, такая оценка слишком категорична и завышена, но она косвенно свидетельствует о недостаточном внимании российских исследователей к теме украинского национализма, вследствие чего складывается впечатление о теоретическом перевесе и даже правоте украинских историков. По глубине и серьезности проработки фактического материала с монографией Ульянова можно сравнить только сочинение С. Н. Щеголева, написанное еще до революции и ни разу с тех пор не переиздававшееся². В последнее время украинскому вопросу посвящены тоже немногочисленные исследования. Среди лучших можно указать на работы историков В. С. Дякина³, А. И. Миллера⁴, М. В. Дмитриева⁵, В. И. Мироненко⁶, а также на сборники «Россия—Украина: история взаимоотношений»⁷ и «Украина и Россия: общества и государства»⁸.

Очевидно, что полностью объективным исследование Ульянова все же назвать нельзя, как нельзя считать научной и ту концепцию украинства, которая разрабатывалась в конце XIX — начале XX вв. российской официальной исторической наукой и была взята им за основу. Согласно этой концепции, появление таких понятий, как “Малая Русь”, “Великая Русь”, “малорус”, “великорус” и т. п., следует относить к более позднему времени — ко времени после татаро-монгольского нашествия, когда единая Русь была расчленена на Русь Северную, или Владимиро-Суздальскую, преобразованную позже в Московскую, и на Русь Юго-Западную, или Галицко-Волынскую, вошедшую затем в Русско-Литовское государство, а после унии Литвы с Польшей — в Речь Посполитую. Что касается слов “Украина” и “украинец”, то они вошли в обиход только к концу XVII в. и являлись искусственно созданными польской пропагандой. Именно поляки начали употреблять слово “Украина” в значении имени собственного, чтобы разорвать этническую и культурную связь русских людей, живущих на территории Польши, с их единоплеменниками в России. После Переяславской рады 1654 г.

¹ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. V.

² См.: Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев, 1912.

³ См.: Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9.

⁴ См.: Миллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

⁵ См.: Дмитриев М. В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // Вопросы истории. 2002. № 8.

⁶ См.: Мироненко В. И. Российско-украинские отношения в 1991–2002 гг. — М., 2004.

⁷ См.: Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

⁸ См.: Фурман Д. Е. (ред.) Украина и Россия: общества и государства. М., 1997.

и “вечного мира” Московского государства с Польшей, заключенного в 1686 г. (по которому Левобережная Малороссия с Киевом отошла “в вечное владение” Москвы), поляки потеряли надежду вернуть в состав Речи Посполитой южнорусские земли с помощью военной силы, и поэтому они изменили тактику, стремясь нанести поражение Москве на идеологическом фронте. Поскольку растущее и крепнущее Русское государство все больше и больше привлекало к себе взгляды поработанных поляками русинов и они желали воссоединиться со своими единоплеменниками и единоверцами, польские идеологи направили все усилия на доказательство того, что в Польше нет русских, а есть особая “украинская” национальность. Так была создана идеология украинства, которая не пользовалась, однако, большой популярностью среди простого народа, а навязывалась ему властью, и прежде всего шляхтичами, которые стали называть себя “украинцами” из корыстных побуждений.

Говорить об украинском “национализме”, согласно распространенному мнению в российской историографии, нельзя, так как никакой “украинской” национальности нет и никогда не было. На самом деле имел место феномен украинского сепаратизма в Российской империи, и он был следствием политических интриг враждебных России государств, и прежде всего Польши и Австрии, которые надеялись с его помощью добиться ослабления их могущественного соседа. Будучи явлением искусственным, вымышленным, не подходящим ни под какие из существующих учений о национальных движениях, украинский сепаратизм вынужден был опираться и на такую же выдуманную историю Украины, создавая образ подавленного украинского народа и вымирающей украинской культуры. На самом деле все факты истории свидетельствуют о том, что никакого “национального угнетения” не было и что за все 300 лет пребывания в составе Российского государства Малороссия-Украина не была ни “колонией”, ни “поработанной народностью”, но даже пользовалась особыми привилегиями, которых не было у русского народа-“поработителя”. Что касается украинской культуры, то она нашла самое искреннее сочувствие и поддержку в лице лучших представителей русской культуры, благодаря которым и получила необходимый стимул для своего дальнейшего развития.

Центральным моментом в споре с украинской версией истории Малороссии выступала трактовка эпохи запорожского казачества. В противоположность украинофилам, русские историографы представляли эту эпоху как одну из самых позорных страниц украинской истории. Запорожские казаки были простыми бандитами, жившими на границе страны — в “диком поле”, где они занимались грабежами и разбоями. Гетманский режим в Малороссии установился вследствие национально-освободительной войны 1648—1654 гг., когда казачьей старшиной удалось реализовать свои планы поработнения всего южно-русского народа благодаря переходу “под московскую руку”, которая своим авторитетом укрепила по-

ложение Богдана Хмельницкого. Превратившись из предводителя войска в предводителя края, он стал “паном всей страны” и способствовал закреплению малороссийского крестьянства. По сути, южная Русь была захвачена запорожскими казаками, и целое столетие — до разделов Польши — казачество безжалостно эксплуатировало свой народ, всю вину взваливая на царских чиновников и разжигая тем самым ненависть к “москалям”. С уничтожением гетманства при Екатерине II казачий сепаратизм пошел на спад, и малороссы активно включились в общерусскую культурную и политическую жизнь.

Понятно, что указанная концепция в корне противоречит как украинофильской версии истории Украины, так и современной украинской национальной доктрине, согласно которой казачья эпоха однозначно интерпретируется как эпоха героическая, а Богдан Хмельницкий считается символом объединения украинских земель, возрождения государственности и лучших традиций Киевской Руси. Он же, согласно современной доктрине, был одним из первых украинцев, которые ясно осознали свой долг перед украинской нацией, жаждущей свободы и самостоятельности, и всю свою жизнь посвятили достижению этой свободы. Мечтая о независимом Украинском государстве, Богдан Хмельницкий обратился к славному державотворческому наследию Древнего Киева и заложил новые традиции украинского державотворчества, которые были потом подхвачены и приумножены последующими поколениями¹. Современная Украина считает себя государством демократическим, и истоки своей демократии она видит в казачьей вольнице. Естественно, что аргументация Ульянова, доказывающая антинародный характер украинского сепаратизма, развивавшегося не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, была воспринята как антиукраинская политическая акция. Как отмечает А. Окара в статье “Украинский вопрос” и поиски ответа на него», появление книги Ульянова послужило причиной ухудшения русско-украинских отношений, так как способствовало не удовлетворению научного интереса к апокрифическим эмигрантским текстам по истории становления российского и украинского самосознаний, а разжиганию националистических страстей “газетных украинофобов”².

Приступая к анализу «Происхождения украинского сепаратизма», следует сразу же заметить, что концепция Ульянова представляет собой зеркальное отражение националистических теорий украинства: и тематика его рассуждений, и ценностные параметры остаются те же, только знак “плюс” меняется на “минус”. Поскольку в этом зеркале отражается идеология, концепция Ульянова не может не быть идеологической со всеми присущими подобного рода рассуждениям не-

¹ См.: *Кучма Л.* Доклад по случаю 400-летия со дня рождения Богдана Хмельницкого // *Голос Украины.* 1995. 22 декабря.

² См.: *Окара А. Н.* “Украинский вопрос” и поиски ответа на него // *Полис.* 2001. № 4. С. 180.

достатками. Так же, как и идеологи украинского национализма, Ульянов создает ряд мифов, идеализирует свой народ и государство, оперирует однозначными понятиями и тенденциозными трактовками, редуцирует сложный механизм русско-украинских культурных отношений, моделирует “образ врага” и ведет агитацию за его разоблачение, и т. д. В результате полемики с украинством, ведущейся на его же “поле” и по его правилам, вырабатывается соответствующий образ России, который, как ни странно, очень похож на образ Украины, как он был представлен теоретиками украинского национализма. Вследствие похожеści этих образов они существенно дополняют и корректируют друг друга, позволяя лучше понять ту духовную атмосферу, в которой зародились и развились националистические концепции. Таким образом, сочинение Ульянова помогает разобраться в сложном генезисе феномена украинства и его влиянии на формирование способов самоидентификации России. Только под этим углом зрения и будет рассматриваться концепция Ульянова.

«Происхождение украинского сепаратизма» начинается сразу с выводов: украинское самостийничество возникло искусственно и не отображало общих стремлений малороссийского народа, было для него чуждым, так как вело антинациональную пропаганду, выступая за ликвидацию наиболее чтимых и наиболее древних народных традиций и культурных ценностей и искореняя национальную душу народа, принося его истинно национальное чувство в жертву сочиненному партийному национализму. Искусственность украинства обуславливается идеологическим влиянием инородцев, прежде всего поляков и немцев, которые “внедрили Украину”, опоячав многие города южной России, в том числе Киев и Харьков, где и зародилось впоследствии движение украинофильства. “Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании, — утверждает Ульянов. — Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками”¹. Однако это не значит, что украинство было полностью инородческим явлением: поляки могли только питать и взращивать эмбрион сепаратизма, но сам этот эмбрион с необходимостью должен был существовать в недрах малороссийского общества. Определить естественность этого искусственно выращенного украинского национализма нужно в первую очередь, чтобы найти правильное решение украинского вопроса.

Но дальше логика рассуждений Ульянова попадает в зависимость от готовых наработок теоретиков украинства и практически дублирует методiku их рассуждений. Известно, что украинские националисты зарождение идеи вольной Украины связывают с эпохой казачества, считая его хранителем лучших традиций Киевского государства и исторической памяти украинского народа. Ульянов объ-

¹ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 8.

являет казачество эмбрионом сепаратизма. Фактически он выстраивает симметричную концепцию, противостоящую националистической украинской, но базирующуюся на тех же идеологемах. Например, казаки в описании украинофилов предстают людьми свободолюбивыми, храбрыми, сознательно борющимися за веру и самостоятельность своего народа, и эти качества объясняются превосходством украинской культуры, наследующей цивилизованные, западные традиции Киевской Руси, над культурой великорусской, находящейся под сильным влиянием Востока. Согласно Ульянову, казаки обладали совершенно противоположными качествами, и именно потому, что казачество формировалось в непосредственном контакте с кочующими ордами восточных племен и никак не было связано с культурой древнерусского государства и тем более Запада. «Объяснения природы казачества надо искать не на Западе, а на Востоке, не на почве, удобренной римской культурой, а в “диком поле”, среди тюрко-монгольских орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории»¹. Таким образом, при кардинальном изменении характеристик казачества постоянными остаются те идеологические рамки, в которых так или иначе оценивается феномен казачества: с одной стороны, признается положительность Запада, а с другой — отрицательное влияние Востока. Ни Ульянов, ни критикуемые им националисты не пытаются усомниться в правомерности такого однозначного истолкования “противоположных полюсов” цивилизации, что объясняется просто тем, что эти идеологемы используются ими в качестве констант для построения соответствующей доктрины, имеющей “партийное”, а не научное значение.

Таким же образом формулируются и другие “зеркальные” аргументы Ульянова. Если, согласно теоретикам украинства, все казаки были свободными людьми и безусловно признавали ценность демократических институтов, руководствуясь ими в своей жизни, то Ульянов просто отрицает свободолюбие и демократизм у опять же всех казаков. “Степь искони дышала разбоем, хищничеством и той особой вольностью, которую так трудно отождествить с современным понятием свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая к нему по времени, татарская эпоха степной истории”². Что касается демократии, то она, замечает Ульянов, должна характеризоваться не формальными признаками, такими как выборность должностей или всеобщее право участия в принятии решений, а по ее общественно-культурной и моральной ценности. Очевидно, что никакие внешне демократические институты в общине, живущей грабежом и разбоем, не могут заставить беспристрастного исследователя назвать ее демократиче-

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 24.

ской. Кроме того, все известные в истории демократические общества не существовали без строгой государственной организации и твердой власти, а охлократия никогда не приводила ни к чему хорошему. “Господства толпы, — пишет Ульянов, — никто сейчас с понятием народовластия не сближает. А запорожским казакам именно государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства”¹. Последнее утверждение является, к тому же, симметричным отрицанием известного тезиса украинских националистов о “державо-творчестве” запорожских казаков.

Интересны критические замечания Ульянова по поводу двух наиболее распространенных в науке и публицистике взглядов на казачество. Согласно одному из них, Запорожье представляло собой рыцарский орден, отражавший напор турецко-татарской силы и стоявший за православную веру. Другая трактовка представляла казачество как демократическое сообщество мирных хлебопашцев, вынужденных с оружием в руках защищать себя и свою страну от вражеских набегов кочевников. Ульянов без труда опровергает как аристократическую, так и демократическую версии, приводя в свою пользу множество документальных свидетельств и доказывая, что обе трактовки казачества являются результатом поэтического воображения или намеренной фальсификации истории. Так, запорожцы не могли быть ревнителями православия, потому что в Сечи было очень много поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и других выходцев из неправославных стран; казачьи атаманы, в том числе и такие, как Б. Хмельницкий и П. Дорошенко, признавали себя подданными турецкого султана — главы ислама — и не раз вместе с крымскими татарами грабили и продавали в рабство православных крестьян. “Школа Запорожья, — делает вывод Ульянов, — была не рыцарская и не трудовая крестьянская”². Конечно, многие крепостные бежали туда, чтобы обрести свободу и поднять казаков на войну против панства, однако они вскоре отказывались от своих прежних идеалов и становились другими людьми — казаками. “Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, менял этнографию, менял душу”³. Таким образом, по Ульянову, получается, что Запорожье было “школой разбоя”, в которой люди становились “добычниками” и утрачивали свое человеческое достоинство. Очевидно, что критически опровергнув идеологемы “двух школ”, он создал такую же свою — третью.

Разоблачая националистический миф казачества, Ульянов сменяет его другим мифом, ничуть не лучше и не хуже прежнего. И в том, и в другом мифе казачество фигурирует как идеологема, оторванная от исторической действительности и даже противопоставленная ей. Сложный общественный феномен, како-

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 27.

вым было казачество, редуцируется до уровня однозначного истолкования. Так, согласно Ульянову, можно определить природу казачества, т. е. константную существенную характеристику, которая пролетает свет и на образование украинского сепаратизма. Природа казачества — в его хищничестве, а поэтому события середины и второй половины XVII в. следует расценивать как свободное проявление сущности казачества, т. е. как войну против собственного народа с целью превращения его в своих данников. Ульянов говорит о захвате Малороссии казаками, которые превратили южно-русские земли “как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления”¹, сводившейся преимущественно к сбору дани. Добившись официального признания своего разбойничьего статуса под видом реестрового войска и воспользовавшись внешним авторитетом Московского государства для создания иллюзии собственной политической и военной значимости, казаки стали стремиться к достижению полной автономии и отделению от Москвы, так как союз с нею препятствовал дальнейшему осуществлению их хищнических планов. Таким образом, делает вывод Ульянов, эмбрион украинского сепаратизма следует искать не в стремлении к свободе и не в национальной идее, а в стремлении казацкой старшины добиться неограниченных прав над малороссийским народом, чтобы полностью поработить его.

Не менее показательна и попытка Ульянова доказать отсутствие движения украинства в реальной жизни, его фиктивность. Подобно Голубенко, который разоблачал “миражи России”, Ульянов развеивает “мираж украинства”, демонстрируя такую же тактику, которая была характерна и для украинских националистов. Сходны и задачи, которые ставили перед собой идеолог украинского национализма и его критик. Для первого проблема состояла в том, чтобы объяснить, почему Россия, варварское существо которой нельзя было не заметить, пользуется тем не менее поддержкой у цивилизованных народов? Для второго вопрос сводился к следующему: почему сепаратизм, будучи атрибутом казачества и его поработительских тенденций, не исчез вместе с уничтожением казачества и, к тому же, стал пользоваться популярностью и среди простого народа? И Голубенко, и Ульянов пришли к одному и тому же ответу: необходимо отличать существо явления от его обманчивой видимости. Как Россия, согласно Голубенко, была вынуждена маскировать свое подлинное лицо и с помощью обманутых или подкупленных европейцев создавать себе хорошую репутацию на Западе, так и казачеству, согласно Ульянову, которое случайно оказалось на гребне национально-освободительной войны против Польши, пришлось скрывать свои настоящие интересы и выступать под знаменем защиты прав крестьян и их православной веры, ратуя за союз с Московским государством. Очевидно, что отказ в реальности как риторический прием использовался обоими авторами, в результате чего ре-

¹ Там же. С. 22.

альность лишалась своей многозначности и противоречивости, превращаясь в рационально выверенную концепцию.

Приступая к анализу украинства, Ульянов сразу же указывает на его идеологический, а не народный характер. Начало идеологии он связывает с деятельностью гетманов, которые, вслед за Б. Хмельницким, часто нарушали Переяславскую присягу, преследуя свои корыстные цели, и пытались оправдаться перед народом, приписывая Москве различные преступления. Средством гетманской пропаганды были наглая ложь и клевета, которые создавали атмосферу взаимного недоверия. «В психологическом климате, созданном таким путем, первое место занимала ненависть к государству и к народу, с которыми Южная Русь соединилась добровольно и “с радостью”, но которые стояли на пути осуществления хищных замыслов казачества»¹. Большое влияние на народные массы оказывали гетманские универсалы, так как с их помощью частные мнения, слухи и догадки становились официально подтвержденными фактами, формирующими национальное сознание. Чем менее благовидны были мотивы измены того или иного гетмана, тем большее количество московских “тиранств” требовалось для ее оправдания. Вскоре список злодеяний Москвы стал “классическим”, т. е. с необходимостью воспроизводился во всех антимосковских сочинениях, которые составили целую литературу. Эту литературу еще нельзя было назвать националистической, так как идея особой украинской нации появилась значительно позже, но в ней уже четко присутствовали основные элементы украинской националистической идеологии: стереотипное представление о “москалях” и идеализация “национальных героев”, борющихся за свободу своей “неньки-Украины”. Очевидно, что эти представления были продиктованы законами соответствующего литературного жанра (если таковым можно назвать сочинение пасквилей) и ничего общего с действительным положением дел не имели. Гиперболизация, к которой чаще всего прибегали гетманские “писари” для достижения максимального воздействия на публику, вполне соответствовала их задачам и являлась популярным художественным приемом.

Вообще “первоисточники” украинства совершенно нельзя понять, если читать их буквально, т. е. не учитывать поэтико-художественный аспект этих произведений. Так, авторы универсалов никогда не ставили перед собой цель объективно описать факты, да и никто из тех, кому адресовались эти универсалы, не воспринимал их как такие описания. Гораздо важнее было не то, что сообщалось в посланиях гетмана, а как это делалось. Удачно составленный универсал, имевший шанс рассчитывать на признание публики, должен был удовлетворять, прежде всего, ее эстетическим требованиям, что достигалось обычно за счет строгого соответствия фактической стороне дела. На факты, как правило, обращали мало

¹ Там же. С. 77.

внимания, им не придавали такого значения, которое приписывается им сейчас, так как идеал строгой научности и объективности еще не стал общепризнанным и не являлся таким эффективным риторическим средством убеждения, как другие, более действенные приемы. К последним относятся, например, эстетизация страдания, пусть даже воображаемого, и поэтизация тех, кто в силу своего общественного положения должен был бороться с этим страданием, даже если в действительности все было наоборот. К тому же, признаком хорошего тона было поругать москалей, посмеяться над их варварством и нерасторопностью. Скорее всего, это делалось в XVII в. без особого злого умысла и без той ненависти ко всему великорусскому, которая стала характерной чертой украинского национализма в конце XIX — начале XX вв. Ненависть к москалям существовала на уровне анекдота или притчи, т. е. имела преимущественно литературное происхождение.

Ульянов, характеризуя истоки идеологии украинства, совсем не обращает внимание на это обстоятельство и понимает тексты буквально — так же, как это делают и критикуемые им украинские националисты. Он вырывает гетманские универсалы из контекста той исторической ситуации, в которой они только и имели смысл, и судит о них с высоты современной ему исторической науки. В результате ему остается только недоумевать, каким образом такой непопулярный в народе и даже среди казацкой старшины гетман, как Мазепа, стал наиболее популярной фигурой в движении украинства, и почему никто не обратил внимание на кричащее несоответствие описываемых в универсалах и других антимосковских сочинениях событий реальному положению дел. Возмущаясь беспринципностью мазепинцев-эмигрантов, вроде войскового писаря Орлика, он писал: «Читая его письма, прокламации, меморандумы, можно подумать, что москали в царствование Петра учредили какое-то египетское рабство на Украине: били казаков палками по голове, обрубали шпагами уши, жен их и дочерей непременно насилывали, скот, лошадей, имущество забирали, даже старшину били “смертным боем”»¹. Не замечая литературного характера украинского национализма или же игнорируя его, Ульянов упустил из виду интересный феномен русофобского эстетства и не смог поэтому выйти за рамки идеологического истолкования идеологии украинства. В результате он противопоставил ей такую же идеологию, только с противоположными оценками, не затронув существа рассматриваемого явления.

В известном смысле универсалы и антимосковские пасквили были народным творчеством малороссиян, которое отражало их общие вкусы и тем самым служило средством социальной и национальной консолидации. Ульянов не раз подчеркивает широкую распространенность во второй половине XVII в. разнообразных сочинений подобного рода, которые заполнили всю Малороссию. Однако конста-

¹ Там же. С. 80.

тируя факт, что несмотря на такую пропаганду, малороссийский народ так и не взбунтовался против своих угнетателей, как в свое время против польских панов, он делает вывод об иностранном происхождении этой литературы. “Весь фонд анекдотов, сарказмов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самоистинничество пользуется по сей день, создан поляками. Знаменитая «История Русов» представляет богатейшее собрание этого агитационного материала, наводнившего Украину после ее присоединения к России”¹. Сочинение антирусских памфлетов продолжалось до самого упразднения гетманства в 1780 г., и в итоге была создана большая идеологическая база украинского сепаратизма. Эта идеология была чуждой малороссийскому народу, потому что даже те из малороссиян, кто выступал ее адептом (а это были казацкая старшина, изначально ополяченная и антинародная, и высшее духовенство, боявшееся утраты своих привилегий и свобод вследствие перехода церкви в московскую юрисдикцию), действовали во имя не своих, а польских интересов. Таким образом, делает вывод Ульянов, украинский национализм не имеет корней в истории Малороссии и является простым недоразумением, или мифом.

Однако это недоразумение оказалось фатальным для России. Пытаясь объяснить, почему идея сепаратизма не исчезла с уничтожением казачества и его привилегий, а послужила основанием для появления “гранитной идеологии” украинства, Ульянов продолжает настаивать на ее искусственности и случайности. Отрицая преемственность в развитии украинского национализма, он говорит о его “втором рождении”, и опять на “пустом месте”. В XIX в. произошло идейное оформление совершенно нового национализма, хотя идеологи украинства связали его генеалогию с гетманской эпохой, представив в своем свете проблематику антимосковских сочинений того времени. В гетманских универсалах не было ни идеи национального самосознания, ни идеологемы вольной Украины, как не существовало и самих слов “Украина” и “украинец” в современном их значении, но именно в этом смысле стали интерпретировать сочинения казацкой фронды. Таким образом, «все, что казачество за сто лет гетманского режима наговорило, накричало на радах, написало в “листах” и универсалах — не пропало даром»²: оно было синтезировано и превращено в идейное оружие нового национализма. Написанная в начале XIX в. «История русов» представляла собой компиляцию положений антимосковской пропаганды конца XVII в. и послужила тем “чудотворным словом”, с помощью которого был поднят “из гроба Лазарь казачьего сепаратизма”³. Этот сепаратизм был плодом современных амбиций и мертвой идеологии: в XIX в. удалось возродить те идеи, которые казались совершенно забытыми, и сделать их актуальными, подобно тому как еврейским женам, со-

¹ Там же. С. 83.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 145.

гласно марокканской легенде, удалось забеременеть от покойных мужей и продолжить еврейскую народность в Марокко. «Украинский национализм XIX века также получил жизнь не от живого, а от мертвого — от кобзарских “дум”, легенд, летописей и, прежде всего, — от “Истории Русов»¹.

Второе рождение украинского сепаратизма было обусловлено, однако, не только увлечением казачьей словесностью: для того чтобы идеология конца XVII в. смогла повлиять на современное общественное сознание, “садовнику-истории” потребовалось совершить “прививку этой отрезанной от павшего дерева ветки к растению, имевшему корни в почве XIX века”². Этим растением было российское революционное движение. Только благодаря ему непопулярное и противоестественное движение украинства стало набирать силу, до определенного времени успешно маскируясь под видом “национального возрождения”, поддерживающего программные лозунги российских революционеров. Укратиофильство XIX в., по словам Ульянова, представляло собой причудливую амальгаму настроений и чаяний эпохи гетманщины с революционными программами тогдашней интеллигенции. Это был романтический этап развития украинства, совпадающий с таким же этапом развития революционного движения. Ульянов высказывает даже тезис о том, что украинство было во многом инициировано и создано идеологами русской революции, начиная от декабристов, впервые обративших внимание на свободолюбивый революционный пафос «Истории русов», и заканчивая большевиками, которые осуществили самые фантастические проекты украинских националистов, провозгласив право украинцев на свой язык, культуру и государственность и в известном смысле осуществив его.

Плодотворное взаимодействие революционного движения и движения украинства, приведшее в конце концов к развалу России и к гибели ее культуры, оказалось возможным, по мысли Ульянова, потому, что оба они были движениями инородческими или, по крайней мере, инспирированными чуждыми России и враждебными ей деструктивными силами. Истоки русской революции, как и истоки украинства, лежат за пределами ойкумены русской культуры и истории; они потому и сумели слиться в одно целое, что имели общую цель, объединяющую их, — разрушить Россию. Для доказательства этих тезисов Ульянов приступает к анализу украинства в контексте развития русской революции. Весьма показательным является уже тот факт, что появление «Истории русов» не вызвало ни энтузиазма, ни одобрения у “настоящих” малороссов, чуждых революционной закваски — таких как Н. В. Гоголь, М. А. Максимович, А. Л. Метелинский или И. П. Котляревский, но зато в сердцах враждебно настроенных к России людей — революционеров и либералов — она нашла отклик. Еще показательнее тот

¹ Там же.

² Там же. С. 146.

факт, что первые попытки использования «Истории русов» для критики российской действительности принадлежат не украинцам, а великороссам, и прежде всего — декабристу Рылееву. Именно он стал популяризировать “национальных героев” украинства, таких как Наливайко, Мазепа или Войнаровский, представляя их как борцов за свободу. В результате такой поэтизации Рылеев привлек внимание публики, в том числе и украинской, к «Истории русов» и к идее украинства. “Облаченный им в римскую тогу казачий автономизм приобретал новизну и привлекательность, рождался с европейским освободительным движением, льстил местному самолюбию. Алчные казачьи страсти прикрывались ризой гражданских добродетелей, сословные путчи гетманской эпохи возводились в ранг жертвенных подвигов во имя свободы, а добычники и разбойники выступали в облики Брутов и Кассиев”¹. Таким образом, благодаря Рылееву украинский сепаратизм сумел превратиться из старой реакционной идеологии, обреченной на историческую смерть, в современную революционную концепцию, пользующуюся поддержкой не только среди отдельных украинских националистов, но и среди большого числа великорусских революционеров.

Отмечая тесную “романтическую” связь украинства с декабризмом, Ульянов характеризует “декабристский заговор” как результат украинско-польской пропаганды. Если схематизировать его рассуждения, то получится, что “свободомыслие”, приведшее впоследствии к событиям на Сенатской площади, было привнесено в Малороссию поляками, культивирующими идеологию украинской самостоятельности. В первой четверти XIX в. им удалось добиться определенных успехов, потому что идеей украинства были инфицированы широкие слои малороссийского общества, и прежде всего — структуры власти. Можно сказать, что декабристы, пишет Ульянов, стояли у власти на Украине, так как генерал-губернатором малороссийским был в то время кн. Н. Г. Репнин — брат декабриста С. Г. Волконского и сам большой либерал. Стремясь быть “отцом” Малороссии и человеком “новых веяний”, он собирал вокруг себя всех, кто сочувственно относился к украинству, в том числе и И. П. Котляревского — первого поэта, начавшего писать по-украински. В доме генерал-губернатора можно было встретить будущих лидеров декабризма, таких как П. И. Пестель и М. П. Бестужев-Рюмин, но также и ярких русофобов, типа В. Полетики. «Эти стародубские и лубенские маркизы Позы постоянно вертелись при генерал-губернаторском дворе, который до известной степени может рассматриваться как один из центров “возрождения” украинского сепаратизма»². Кроме того, Репнин способствовал закреплению идеологии украинства и в малороссийской культуре, учредив украинский театр и содействуя распространению «Истории русов». Дочь губернатора

¹ Там же. С. 149.

² Там же. С. 156.

была проникнута “духом декабризма” и в то же время покровительствовала Т. Г. Шевченко. Таким образом, делает вывод Ульянов, декабристы первые отождествили свое дело с украинизмом и создали традицию для всего последующего русского революционного движения. На первом этапе украинство выступает под видом “укаинофильства”, которое на деле было любовью не к малороссийскому народу, а к казацкой фронде, и развивается оно не своими силами, а в русле русского революционного движения. «В развитии украинского сепаратизма оно было заинтересовано больше самих сепаратистов. Шевченко у великорусских революционеров почитался больше, чем на Украине. Его озлобленная казакоания приходилась русскому “подполью” больше по сердцу, чем европейский социализм Драгоманова»¹.

Однако дальнейшие пути русской революции и украинского сепаратизма разошлись, что отрицательно сказалось прежде всего на эволюции движения украинства. Будучи малочисленным, оно почти сошло на нет после того, как попыталось наметить программу самостоятельных действий. Искусственность украинства стала причиной его непопулярности на Украине. “Простой народ абсолютно не имел к нему касательства, а 99 процентов интеллигенции относилось отрицательно”², — утверждает Ульянов. Малороссийскому народу была непонятна софистика националистов, а их мессианиззм только отталкивал его от идеи украинства. Интеллигенция в большинстве своем считала укаинофильство простой данью моде — внешним подражанием провансальскому, ирландскому, норвежскому и др. сепаратизмам. Некоторые видели в украинстве своеобразную форму либерально-революционного движения, но относились к нему по-разному: сторонники монархической власти обнаруживали нескрываемую вражду к украинству, а революционеры и либералы отказывались признавать какую-либо украинскую редакцию освободительного движения и шли не в “громады” и “спилки”, а в лавризм, в нечаевщину, в народовольчество, в черные переделы. “Общероссийское революционное движение, как магнит, втягивало в свое поле все частицы металла, оставляя укаинофильским группировкам шлак и аморфные породы”³.

Вторым этапом эволюции украинства стал галицийский, когда после фактического провала этого движения в Малороссии его центр переместился в Австрию. Ульянов подчеркивает, что причиной эмиграции деятелей украинства во Львов нельзя считать запретительные указы 1876 и 1863 гг., так как поездки в Галицию с целью публикации своих произведений начались задолго до этих указов. Подлинной причиной возвышения Галиции стала общая деградация движения украинства, которая выражалась как в тенденции к предельной идеологизации истории, так и в бездарности литературных произведений, единственным

¹ Там же. С. 157.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 199.

достоинством которых был “украинский” язык и ненависть к России. Как уверяет Ульянов, “ни Чайченко, ни Конисского, ни Панаса Мирного, ни Левицкого-Нечуя никто на Украине не читал”¹, но зато во Львове они добились признания, а потому и объявили Галицию вторым отечеством, Украиной, которую стали противопоставлять Малороссии. Идеология украинства в ее галицийской редакции приобрела черты нетерпимого русофобства и отказалась от каких бы то ни было научных оснований. Даже такие преданные своему делу украинофилы, как Костомаров, Драгоманов, Кулиш, не могли не занять критическую и даже враждебную позицию в отношении к галицийскому украинству, но изменить общее направление развития движения были не в силах. Галицийский период стал не продолжением того, что зародилось на русской почве, а чем-то совершенно иным по духу и целям.

Интересно, что оставаясь последовательным в своей тактике отказывать в исторической реальности всем явлениям, которые подлежат критике, Ульянов представляет идеологию украинства чуждой не только в Малороссии, но и в Галиции. Оказывается, и здесь преобладало русскоязычное население с явно выраженными русофильскими настроениями, но в результате активной националистической пропаганды, стимулировавшейся поляками и австрийцами, оно вынуждено было отказаться от своих традиций, языка и культуры. Слово “Украина”, которое употреблялось в Малороссии в качестве “прозвища” и не имело никаких шансов вытеснить историческое название южно-русских земель, в Галиции совсем не было известно. Галичане именовали себя “русинами” или “рутенами” и отказывались быть “украинцами”, так что потребовались специальные политические и практические меры, которые заставили их принять это название. “Насадив общеукраинское движение в Галиции, поляки снабдили его и готовой идеологией”². Потребовались также и религиозные реформы, направленные на усиление авторитета униатской церкви и искоренение церковнославянского языка, служившего крепким связующим элементом Украины и России.

Галицийский этап украинства характеризуется разжиганием ненависти к России и национальной нетерпимости. Именно в это время возникают самые “фундаментальные” идеологемы украинского национализма, которые в XX в. будут положены в основу украинского фашизма. “Из всех ненавистников России и русского народа галицийские панукраинцы заслужили в настоящее время пальму первенства, — писал Ульянов. — Нет той брани, грязи и клеветы, которую они постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью все скверное, что было сказано во все времена о России ее врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. Что русские не славяне и не арийцы, а пред-

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 230.

ставители монголо-финского племени, среди которого составляют самую отсталую звероподобную группу, что они грязны, вшивы, ленивы, трусливы и обладают самыми низменными душевными качествами — это знает каждый галицийский самостийник с детского возраста»¹. Ульянов задается вопросом о причине этой ненависти, но, к сожалению, не может предложить никакого другого объяснения, кроме уже не раз повторявшегося им тезиса об инородческом происхождении украинства и его идеологии. Поскольку в Галиции антирусские настроения распространились задолго до ее оккупации русскими и затем советскими войсками, т. е. тогда, когда мнение о русских составлялось не из опыта непосредственного общения, а по рассказам, слухам и домыслам, то русофобия была следствием стараний враждебно настроенных к России “рассказчиков”, первое место среди которых принадлежит полякам. Выходило, что антирусская идеология было просто “пересажена” с одной национальной почвы на другую, причем полякам удалось справиться с поистине фантастической задачей: перенаправить энергию национального возмущения украинцев с истинных виновников их закабаления на русских — врагов Польши и друзей Украины. «Получалась картина: люди боролись не за свое собственное национальное освобождение и не с государством, их угнетавшим, а с чужим государством, угнетавших “закордонных братьев”»².

Третий этап развития украинства, по Ульянову, можно назвать “формальным национализмом”. Основная его черта — безыдейность, что значит отсутствие не только теоретического обоснования идеологии украинства, но и необходимости его иметь, потому что идея украинства сама стала наиболее фундаментальной, выступающей в качестве обоснования для других, теперь уже второстепенных идей. «Начался безыдейный украинизм, не ищущий себе смысла и оправдания. В отличие от своего предшественника, он не задавался вопросом: зачем надо было внушать малороссийскому крестьянину, что он — “окрема” национальность, зачем надо было обучать его в школе не на общерусском письменном языке, а на разговорной мове?»³ Если украинофильство Костомарова и Драгоманова исходило из более широких представлений о культурном и политическом прогрессе человечества, ставя идеал совершенного социального устройства выше идеи национальности и выводив последнюю из него, то сейчас логика украинского национализма максимально упростилась, так как стала определяться содержанием идеи украинства. “Формальные” националисты априори знают, что такое быть украинцем и что нужно для процветания украинской нации, редуцируя все к внешним характеристикам, таким как владение своей территорией, своими государством, языком, национальным флагом и своими послами при иностранных дворах. «Наро-

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 236.

дился тип националиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом, лишь бы он был “свой” национальный»¹.

Период формального национализма датируется Ульяновым с конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. и до настоящего времени. Доминирующим мотивом в идеологии украинства этого периода становится расово-ненавистническая проповедь, требующая рек русской крови и беспощадной борьбы с “московщиной”. Первым проповедником такого типа был Духинский, за которым пошли “люди нового склада, не державшиеся ни за социализм, ни за космополитизм, полуобразованные, не чувствовавшие уз, что связывали прежних украинофилов с русской культурой”². Одним из этих полуобразованных последователей Духинского был профессор Грушевский, которому удалось воспользоваться революционной ситуацией и направить развитие Украины по галицийскому сценарию. “Главным делом жизни этого человека, над которым он неустанно работал, был культурный и духовный раскол между малороссийским и русским народами. То было выполнение завещаний Духинского и «Истории русов»»³. Ближайшим соратником Грушевского являлся “нацист XIX века” Михновский, выполнявший функцию “передового барана” в стаде националистов и громко высказывавший то, о чем сам Грушевский предпочитал молчать, но что считал полезным высказать. Этот экстремист “формального национализма” стоит у истоков украинского фашизма, ставшего в XX в. очередной метаморфозой украинства.

Образование УССР ничего не изменило в существе дела (что доказывается, в частности, возвращением в советскую Украину бывших идеологов формального национализма, таких как Михновский и Грушевский), только стимулировал развитие национализма как на Украине, так и в украинской диаспоре за рубежом. Добившись национально-государственной территории, национального правительства, национальной печати, образовательных учреждений всех уровней, в том числе и академии, а также государственного украинского языка, партия националистов получила возможность проводить политику украинизации и уничтожения русской культуры уже на законном основании. Вторая мировая война завершила здание соборной Украины, когда в ее составе оказались Галиция, Буковина и Карпатская Русь, а позже был отдан и Крым.

Однако реализация “сказочных мечтаний” украинских националистов не избавила их от комплекса национальной неполноценности, о чем свидетельствуют сохранившиеся антирусские настроения и даже их рост по мере укрепления украинской государственности и распространения украинской культуры. Причина этого, по Ульянову, в той же ответственности украинства. Тот факт, что “самостийнические ухищрения и выдумки” стали реальностью, в то время как ни среди

¹ Там же. С. 237.

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 240–241.

интеллигенции, ни среди простонародья не было почвы для их воплощения, он объясняет опять же вмешательством инородцев. “Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю”¹. Победа украинства достигалась, утверждает Ульянов, путем сплошного насилия и интриг, когда жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании пребывать в соборной Украине. Идеология украинства была предписана верховной властью, которая создавала украинскую действительность вопреки культурному и историческому смыслу. Принудительная украинизация малороссийского народа оказалась возможной только благодаря национальной политике большевиков.

И снова Ульянов прибегает к своему главному приему риторической аргументации — к акцентированию внимания не столько на существовании рассматриваемого явления, сколько на внешней его причине. Анализируя “формальный” национализм, он не останавливается на раскрытии внутренних противоречий этого феномена, а сразу переходит к удобным для него объяснениям, построенным по принципу не критического использования известных мифологем. Говоря о роли большевиков в осуществлении идеи украинства, он все сводит к магическому влиянию традиционно враждебных России сил. Так, большевистская революция была сделана на немецкие деньги, а значит, куплена немцами и является чуждой русскому народу. Украинские сепаратисты тоже действовали строго по указаниям из Берлина. “Во время войны они сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина — германского генерального штаба”². Уже тогда самостийники были объединены совместной работой с Лениным, поддерживая отношения и с другими антидемократическими силами — австро-польскими и германскими экстремистами. До прихода к власти большевиков украинский национализм “только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков”³. Не пользуясь никакой поддержкой ни у интеллигенции, ни у народа, кучка заговорщиков выдвигала планы касательно всей России, и эти планы осуществлялись совместными усилиями всех врагов российского государства и культуры. Украинский национализм всегда был утопией, и “сейчас он держится исключительно благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нем средство для расчленения России”⁴.

Результатом идеологизации русско-украинских отношений и феномена украинства является у Ульянова и трактовка России. Подобно Голубенко, он создает

¹ Там же. С. 268.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 278.

⁴ Там же.

идеальный образ своей страны и так же драматизирует ее историю. В интерпретации Ульянова, царская Россия представляла собой государство честное, миролюбивое, преследующее самые благородные и бескорыстные цели — особенно в таком деликатном деле, как отношения с Украиной. Конечно, оно не было лишено и недостатков, но все они были обусловлены частными причинами и не касались генеральной линии российской политики, которую нельзя назвать империалистической. Россия вообще не была империей в обычном смысле этого слова. Известно, что существенным признаком империи является эксплуатация и подавление колоний с целью возвышения метрополии, но в России часто случалось так, что интересы коренного населения приносились в жертву интересам присоединенных народностей. Ярчайшим примером может служить Украина, которую приняли в состав российского государства вопреки здравой логике политического и экономического расчета. Присоединение Украины было невыгодным для России, еще не отошедшей от Смутного времени, так как предполагало в войну с Польшей и большие финансовые расходы. Но русское правительство руководствовалось не эгоистическими целями, а высокими моральными соображениями, требовавшими помочь братскому народу во что бы то ни стало. С самого начала царь оказался необычайно щедрым и милостивым к своим новым подданным, удовлетворял все их просьбы, в том числе и такие, как предоставление Магдебургского права малороссийским городам, официальное признание и закрепление всех привилегий, владений и прав шляхетской знати и казачьей старшины, увеличение реестра до “небывалой цифры” — 60.000 человек, сохранение старого уряда и демократических порядков Запорожской Сечи и т. д. “Царское правительство, — пишет Ульянов, — предоставило широкую возможность каждому из сословий ходатайствовать об установлении наилучших для себя условий и порядков”¹, и не его вина, что воспользовались этой возможностью не все сословия, а только казачество и духовенство. Винить нужно казаков, и прежде всего старшину, которые всегда преследовали свои эгоистические цели и стремились закрепостить крестьян, а не освободить их.

Ульянов, подобно Голубенко и другим украинским националистам, создает “образ врага” — известную риторическую фигуру, с помощью которой достигается эффект убедительности соответствующей позиции. Врагами России и (sic!) украинского народа выступают у него казачество и отчасти высшее духовенство. Этот прием использовал и Голубенко, разоблачавший “имперский дух” российской власти не только во имя освобождения поработенных украинцев, но и ради самого русского народа. Идеологическая ценность такого аргумента вполне очевидна, как очевидна и полная несостоятельность подобного доказательства вне контекста националистически ангажированной публики. Ульянов так же отрывает

¹ Там же. С. 42.

казацкую старшину от народа и противопоставляет ее ему, как Голубенко — имперское правительство. Образ врага значительно упрощает задачу создания “объективного” нарратива, целью которого, однако, является не достижение истины, а обоснование нужной идеологии. Как и все идеологемы, представление о враге не может не быть однозначным и константным. Так, казачество Ульянова характеризуется постоянными чертами и представлено статично — как враждебная народу группа захватчиков-поработителей, или “добычников”-бандитов, которая, несмотря на свою внешнюю эволюцию от государственных изгоев и отщепенцев к созидателям великодержавности в лице российского дворянства, всегда остается антиобщественным и деструктивным элементом, концентрирующим в себе все негативное содержание проблемы украинства. Злому умыслу казаков приписывается и установление крепостного права на Украине, и прогрессирующее обнищание украинского народа, и деградация культуры в целом. Они сумели обмануть наивных российских чиновников, которые, будучи людьми “непривычными к малороссийским порядкам и малороссийской психологии”¹, не сумели разобраться в тогдашней обстановке. В результате, утверждает Ульянов, “внутреннее устройство и социальные отношения на Украине после переяславского присоединения установились такие, каких хотели сами малороссы”², т. е. представлявшие их казаки. Царское правительство формировало это устройство в соответствии с их просьбами и пожеланиями и было даже слишком демократическим. Разумеется, ни о каких злоупотреблениях царских властей, о которых идет речь во всякого рода сочинениях казацкой литературы, а также в легендарных историях Украины, говорить нельзя: эти поклепы созданы врагами России и не могут содержать и доли истины.

Образ врага имеет смысл и в культурном контексте. Неудивительно, что Ульянов, парируя аргументы украинских националистов в пользу принципиального отличия русской и украинской культур и стараясь обосновать тезис о наличии общерусской культуры, характерной как для малороссов, так и для великороссов, вынужден был воспользоваться теорией “борьбы двух культур”. И здесь его методология вполне сопоставима с методологией Голубенко, что, конечно же, не является случайным. Голубенко проводил демаркационную линию между великорусской, или “московской”, культурой и украинской культурой по принципу этнической принадлежности, доказывая, что потомки Киевской Руси и москвиты — это разные этнические образования, диаметрально противоположные друг другу во всех аспектах политической, социальной и культурной жизни, вследствие чего невозможно плодотворное взаимодействие их культур и необходима непримиримая их борьба. Ульянов демонстрирует практически такое же размышление.

¹ Там же. С. 47.

² Там же. С. 43.

Единственное отличие в том, что он делит народы не на великороссов и украинцев, а на русских и казаков, считая первых славянами — великороссами, малороссами и белоруссами, вышедшими из прарусской народности и по существу тождественными друг другу, а вторых — этнической смесью степных кочевников, чуждых славянскому духу. “Фигура запорожца, — писал Ульянов, — не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один — оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой — гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею”¹. Ссылаясь на немецкого исследователя Г. Штекля, Ульянов выводит генеалогию казаков от крещеных татар, занимавшихся постоянным грабежом русских земель и с течением времени русифицировавшихся. Таким образом, захват Малороссии казаками можно рассматривать как вторжение инославянской культуры, полностью отличной от южнорусской и стремящейся к ее уничтожению. Залог возрождения малороссийской культуры — в ее противоборстве культуре казацкой, или украинской, и на этом пути невозможно никакое плодотворное взаимодействие этих культур.

Борьба против украинской культуры велась Ульяновым такими же средствами, какие использовал и Голубенко для борьбы с русской культурой. Одно из них — профанация ключевых деятелей культуры, сведение их значения исключительно к той роли, которую они играли в формировании соответствующей идеологии. Голубенко говорит о Пушкине исключительно как о поэте империи, способствовавшем укреплению имперского духа, а значит — угнетению украинцев. Ульянов ополчается против Шевченко и видит в нем только украинского националиста, все силы которого были направлены против России. Неудивительно, что два внешне противоположных друг другу лагеря — большевики и самостийники — считают Шевченко своим идейным предшественником: Кобзарь действительно может принадлежать и к тем и к другим одновременно, выражая то общее, что есть у большевиков и украинских националистов, а именно ненависть к России. Никто так враждебно, как Шевченко, не относился к России, и поэтому его можно, согласно Ульянову, считать наиболее ярким воплощением всех характерных черт того явления, которое именуется “украинским национальным возрождением”. Одной из главных черт этого явления была искусственность и фиктивность, и поэтому культ Шевченко тоже основан на недоразумении. Имя первого украинского поэта овеяно легендами, которые на деле являются простой ложью. Например, существует мнение, что Шевченко был певцом горя народного, выра-

¹ Там же. С. 28.

жал в своих произведениях антикрепостнические настроения крестьян и призывал к свержению крепостного права. Однако это далеко не так. Конечно, будучи в детстве дворовым человеком и испытав все горести и унижения крепостного, Шевченко не мог положительно относиться к крепостничеству, но тем не менее он не был идейным его противником и сознательным революционером. “Крепостной крестьянин, — уверяет Ульянов, — никогда не был ни героем его произведений, ни главным предметом помыслов”¹, что доказывается хотя бы тем, что слово “панщина” употребляется в его стихах довольно редко, ни разу не показан барин-угнетатель, да и деревня выглядит у Шевченко не крепостной. Герои Кобзаря страдают не от рабства, а от несчастной любви, злобы, зависти, от общечеловеческих пороков и бедствий. Показателен также тот факт, что Шевченко никак не отреагировал на реформу 1861 г. и не посвятил ни одного стиха или сочинения в прозе освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Настоящей музой Шевченко была злоба, “которую поэт, казалось, не знал на кого и на что излить”². Он не признавал ничего святого, продолжает Ульянов, кроме своей ненависти, и восхищался такими же ненавистниками, как и он сам — казаками, декабристами, причем последних даже боготворил и называл не иначе, как “святыми мучениками”. Беспредельная злоба толкала Шевченко на бунт, но этот бунт нельзя было назвать революцией: не социалист и не “революционный демократ”, а гайдамак и пугачевец глубоко сидели в Шевченко. Влияние Кобзаря на русскую и малорусскую культуру было исключительно отрицательным; по сути, его творчество носило антикультурный характер, благодаря чему Шевченко и стал популярным среди деструктивных антиобщественных элементов, и прежде всего среди украинских националистов. Последние вознесли его на вершину Парнаса и провозгласили “народным” поэтом, однако это признание равносильно пустому звуку: на самом деле оно фиктивно так же, как фиктивны и все “маски, размахивающие картонными мечами” во имя фиктивного украинства. Ульянов не признает никакого художественного достоинства за стихотворениями Шевченко и отказывается считать его народным поэтом. Кроме того, он пытается доказать, что Шевченко вообще не был ни талантливым, ни образованным, ни стремящимся учиться человеком. В частности, он не любил читать и почти никогда не читал, а необходимые знания добывал из вторых рук, веря всему, что соответствовало его убеждениям, и оставляя без внимания все остальное. Вне контекста украинства, делает вывод Ульянов, Шевченко как поэт и мыслитель не имеет никакого значения, потому что все его творчество определяется партийными установками украинства и исчерпывается националистическими лозунгами и идеологиями. “Несмотря на все пропагандные усилия самостийнической клики, вкупе с

¹ Там же. С. 160.

² Там же.

советской властью, Шевченко был и останется не национальным украинским поэтом, а поэтом националистического движения”¹.

Кроме профанации выдающихся деятелей оппозиционной культуры, Ульянов, так же как и идеологи украинства, практиковал “перетаскивание” авторитетов в свой лагерь. Немало внимания он уделяет отвоеванию у украинцев Гоголя, который представляет собой, пожалуй, самую значительную фигуру как в литературном, так и в идеологическом отношении. Ульянов занимает достаточно выгодную позицию в “битве за Гоголя”: он просто считает его “своим”, русским писателем и мыслителем, помещая его в канонический ряд первостепенных авторитетов, начиная с Пушкина и Лермонтова и заканчивая Достоевским и Толстым. Вспомогательным приемом доказательства причастности Гоголя к великорусской культуре являются неоднократные случаи капитуляции идеологов украинства, отчаявшихся в попытке сделать писателя достоянием своей нации и объявивших его врагом украинства. Ульянов подробно описывает такие случаи. Например, он вспоминает о Кулише, который сначала восхищался точностью гоголевских описаний украинской природы и правдивостью народных типов, а потом публично в «Основе» отказался признать персонажи произведений Гоголя народными, так как они “чувствуют, судят и действуют не по-украински”, являясь на деле лишь слабыми карикатурами. Ульянов цитирует также Вартового, публициста националистической желтой прессы, который сравнивал русскую литературу с “шматком гнилой колбасы”, требуя полной изоляции Украины от русской культуры, и всех, считавших Пушкина, Гоголя и Достоевского “своими” писателями, объявлял врагами украинской нации. Очевидно, что такое отношение к Гоголю было довольно распространенным в украинской националистической литературе и служило Ульянову весомым аргументом в его полемике.

По мысли Ульянова, Гоголь сумел стать популярным писателем благодаря существовавшей в начале XIX в. в России моды на разные экзотические сюжеты, в том числе и из жизни простого народа. Гоголь, совсем не интересовавшийся обычаями и бытом украинцев, когда жил в Нежине, вдруг стал интересоваться ими в москальском Петербурге. Причиной этому была не ностальгия, а желание сделать литературную карьеру. “В Петербурге поэтов, писавших по-украински, пригревали, печатали, выводили в люди и создавали им популярность”². Таким образом, уже само обращение Гоголя к украинской тематике было продиктовано интересами российской публики, а не “украинским духом” писателя. Дальнейшая эволюция Гоголя тоже определялась российской действительностью и общими тенденциями развития русской литературы и общественной мысли, что доказывается духовной прозой писателя и его апологией самодержавия. Но главное, поче-

¹ Там же. С. 170.

² Там же. С. 144.

му Гоголь стал Гоголем, заключается в том, что он писал на русском литературном языке, обогащая его выражениями малороссийскими диалекта и тем самым способствуя его развитию. Представить себе Гоголя, переведенного на украинский язык без потери специфической художественности его произведений, нельзя. Украинский литературный язык — это противоречащее самому себе понятие: украинский язык может быть только разговорным, так как представляет собой средство бытового общения, и пытаться с его помощью выразить отношения более высокого уровня — это значит редуцировать их смысл и содержание. Украинский язык выдуман идеологами украинства, которые придумали также “украинскую литературу” и “украинских писателей”, являющихся на деле популяризированными в Галиции бездарностями, для которых признание идеологии украинства и содействие ей своими сочинениями на “ридной мове” — это последний шанс добиться писательской славы. Украинская литература с самого начала была литературой партийной, а не национальной или народной, она служила распространению взглядов галицийских националистов, которые требовали от украинских писателей не достижений высокой художественности, а правильности мыслей, т. е. строгого их соответствия идеологемам украинства. “Писать по-украински с тех пор значило не просто предаваться творчеству, а выполнять национальную миссию”¹. Поощрение оказывалось, утверждает Ульянов, не подлинным талантам, а графоманам, наиболее успешно выполнявшим эту “миссию”. «Писательская слава Нечуя, Конисского, Чайченко — создается галичанами; без них этим авторам никогда бы не завоевать тех лавров, что совершенно незаслуженно выпали на их долю. Про Конисского сами современники говорили, что его известность — “плод непоразуминня в галицо-украинских видносинах”»². Неудивительно, что украинский язык не годился ни для науки, ни для философии и вообще ни для каких форм творческой мысли, так как просто не имел соответствующей лексики, а мертворожденная украинская литература никак не послужила его развитию. Поэтому “как до, так и после Гоголя все наиболее выдающееся, что было на Украине, писало на общерусском литературном языке”³.

Итоги

Подводя итоги эмигрантских споров о России, можно сказать, что полемика с инородцами, которые по-своему объясняли причины революции и “культурного краха” России, была наиболее острой и принципиальной. Идеологи инородчества, и прежде всего украинского национализма, категорически не принимая революцию 1917 г. и всячески выступая против деятельности большевиков, отрицательно

¹ Там же. С. 250–251.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 244.

относились и к дореволюционной России, видя в ней “тюрьму народов”, империалистическая политика которой закономерно привела к гибели государства.

Концепция украинства отличалась строгой последовательностью и продуманностью. Она базировалась на вековом опыте борьбы идеологов украинского национализма за “самостийність” Украины, и поэтому русским эмигрантам-великодержавникам было не так-то просто находить в ней изъяны. В результате полемики обнаруживались противоречия в рассуждениях скорее критиков украинства, которые не смогли избавиться от традиционных стереотипов и односторонности аргументации. Интересно заметить, что эволюция национализма — как украинского, так и русского — шла в направлении к теоретическому принятию фашизма, и в этом смысле развитие украинства и “русской идеи” указывает на существенное сходство этих идеологий, внешне противостоящих друг другу, но в действительности представлявших две стороны одного целого. Вывод о том, что украинский и русский национализм по существу не отличаются друг от друга как формы рефлексии соответствующей проблематики, характерной для пореволюционного эмигрантского сознания, подкрепляется и анализом риторики адептов культурного и политического самобытничества Украины и России — в частности, П. Голубенко и Н. Ульянова. Их размышления свидетельствуют о тождестве приемов аргументации и единстве того смыслового поля, в котором они разворачиваются в качестве доказательных или объясняющих конструкций.

Разумеется, говорить о том, что одна из позиций является более убедительной, а другая — менее, нельзя. В споре украинских и русских националистов не было и не могло быть победителей, если под победой понимать достижение объективной истины. Не об истине была речь, и не она обуславливает сегодня интерес исследователей к этой полемике. Гораздо важнее то, что в ходе дискуссии открылась принципиальная и неподдельная нелюбовь к России — нелюбовь как явление, которое нельзя было объяснить ни историческими ошибками, ни политическими просчетами, но с которым приходилось считаться как с неоспоримым фактом. Эта нелюбовь, доходящая в отдельных случаях до ненависти, выступала в качестве последнего аргумента и требовала своего осмысления. Вряд ли будет справедливым утверждать, что националистически настроенной русской эмиграции удалось справиться с этой задачей. Скорее, проблема остается актуальной и в настоящее время. И сейчас негативное отношение к России является доминирующим, несмотря на кардинальные изменения политического режима и широкие социальные преобразования.

Почему же Россию нигде не любят? В свое время Данилевский отвечал на этот вопрос так: не потому, что она колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы и угрожающее спокойствию и независимости Европы, и не потому, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана — какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу

и свободе, а потому, что в России видят (или инстинктивно чувствуют) здоровую, сильную, молодую цивилизацию, способную жить своей независимой, самобытной жизнью. Однако Данилевский не мыслил Россию вне славянства: сила России как раз и состояла, по его мнению, в том, что русский народ способен сплотить разрозненные славянские племена и стать во главе их, противопоставив всеславянский союз остальному миру и даже не особо нуждаясь в нем. Идеология «России и Европы», как известно, послужила дополнительным стимулом для развития русского национализма, но не смогла до конца консолидировать его и превратить в организацию. Причиной тому — феномен украинства.

В России как-то неожиданно, как отмечают многие исследователи, вдруг появился украинский национализм, незаметно выросший из мирного течения украинофильства и обнаруживший ужасающую для России вещь — то, что ее не любят не только на Западе, как думал Данилевский, и не только вследствие невежества и вражеской клеветы, но ее не любят — и даже ненавидят — свои же, славяне, причем те, которые самым тесным образом исторически и культурно были связаны с Россией и поэтому знали ее превосходно, — украинцы. Феномен украинства великорусские идеологи по традиции тоже стали объяснять происками недоброжелателей России и ее завистников, а также простым недоразумением, однако вскоре обнаружилось, что Россию не любят не только украинцы, а практически все народы, в то или иное время вошедшие в ее состав и “безвозмездно облагодетельствованные” ею. Аналогичные украинству течения имели место в Грузии, Армении, Прибалтике, Польше, Финляндии и других национальных регионах.

Конечно, конфликт с Украиной был самым болезненным, поскольку украинский национализм воспринимался как предательство, а не как закономерное стремление негосударственных наций к обретению независимости и культурной автономии, и поэтому “украинскому вопросу” уделялось преимущественное внимание. Теоретикам украинства тоже пришлось решать задачу намного более трудную, чем те, которые решали националисты других народов, потому что им нужно было найти такие аргументы и риторические приемы, которые смогли бы разрушить устоявшиеся веками представления о единстве культуры и исторической судьбы двух братских народов — украинцев и русских. Адепты украинской самобытности были поставлены в тяжелейшие условия, когда против них работала и историческая наука, и религия, и традиции, а главное — предрассудки самого же украинского народа, враждебно относившегося к идее своей самобытности. Но тем не менее им удалось справиться со своей задачей — создать идеологию украинского национализма, хотя для этого пришлось переписать историю, создать литературу и язык, придумать даже название для своей национальности и заставить народ принять его, — что свидетельствует о высоких интеллектуальных способностях теоретиков украинства. Неудивительно, что именно идеология украин-

ского национализма оказалась наиболее разработанной и последовательной. Генезис украинского национализма представляет собой наиболее полную картину развития национализма вообще, и поэтому в известном смысле достаточно ограничиться изучением одного украинства, чтобы получить представление и о тех тенденциях, которые были характерны для других националистических течений.

Вопрос о причине нелюбви к России, поставленный Данилевским, остается актуальным и в настоящее время. Один из возможных ответов на него — указание на отсутствие общепринятых механизмов самоидентификации России и на отрицательный опыт идеологического строительства. Так, до сих пор не выработаны четкие принципы принадлежности к русской национальности, неоднозначными являются понятия русской культуры и государственности, не действуют также механизмы самоопределения на основе причастности к единой религии или традиции. Отрицательное отношение Запада и других стран к России объясняется, возможно, неопределенностью ее образа, из-за чего от России и русских можно ожидать чего угодно, и прежде всего, конечно, плохого. Очевидно, что неопределенность даже хуже, чем явная порочность или злонамеренность, поскольку всегда грозит опасностью, которую нельзя предвидеть и вовремя предотвратить.

Все попытки великорусских идеологов наполнить понятия “русский” и “Россия” фиксированным содержанием не привели к успеху. “Русская идея” так и осталась утопией. Идеологема единого советского народа и советской культуры исчезла с развалом Советского Союза. В настоящее время тезис “единой России” воспринимается не иначе, как партийный лозунг, который не только не соответствует реальности, но даже противоречит ей. Поскольку русские идеологи оказались не в силах справиться с задачей осмысления России, это стали делать за них инородцы, но только в намеренно негативном смысле. Больше других в этом деле преуспели украинцы, и созданный ими образ России превратился в стереотип, с которым русским идеологам так или иначе приходится считаться. Сейчас он заполняет губительный для России идеологический вакуум и претендует на статус объективной точки зрения.